

The book cover features three young models. On the left is a young man with short, wavy, light-colored hair, wearing a denim jacket over a grey t-shirt. In the center is a young woman with long, dark brown wavy hair, wearing a black top. On the right is a young man with curly brown hair and a green eye, wearing a black leather jacket over a white t-shirt, with a colorful tattoo on his neck. The background is dark and moody, with a bookshelf visible on the left. The title is written in large, stylized letters at the bottom, and a smaller title is at the top right.

ДАННАЯ
ИННАЯ

ДВА БРАТА
И Я В ИНСТИТУТЕ
хар и зеркал

Даная Иная Два брата и я в Институте чар и зеркал

<https://litres.ru/74258807>

Аннотация

Я стала студенткой питерского Института чар и зеркал. Но не ожидала, что окажусь в тройной связи с двумя старшекурсниками: холодным и властным, огненным и дерзким.

В Институте запрещены любовные связи, а магия питается желаниями... и мое желание уже выходит из-под контроля.

Мужские руки держали мое тело. Одна пара властно прижимала меня спиной к своей груди. Вторая — жадно скользила по бедрам.

Горячее дыхание обжигало шею с обеих сторон, и у меня не было сил сопротивляться — лишь сладкая слабость и странное чувство правильности. Я не видела лиц, но знала одно: их было двое, а я одна.

Важно:

В книге присутствуют очень откровенные сцены, нецензурная лексика, взаимодействия в формате МЖМ. Может быть жестко!

Все описанное — художественный вымысел, созданный исключительно для того, чтобы пощекотать нервы без риска и вреда. В реальной жизни подобное поведение недопустимо.

Пожалуйста, будьте внимательны, если такие темы для вас чувствительны или вызывают моральное отторжение.

ХЭ гарантирован!

Содержание

Глава 1. Трое	6
Глава 2. Река прошлого	12
Глава 3. После пар	17
Глава 4. То, чего не было	23
Глава 5. Погружение	29
Глава 6. Переход	36
Глава 7. Активация	42
Глава 8. Наставники	48
Глава 9. Путь домой	53
Глава 10. Дым	58
Глава 11. Разговоры в столовой	65
Глава 12. Метро	70
Глава 13. Гордей	75
Глава 14. Откровения	81
Глава 15. Приглашения	86
Глава 16. Иллюзии	93
Глава 17. Проекция	98
Глава 18. Сообщение	103
Глава 19. Сладкое оцепенение	109
Глава 20. Поездка	116
Глава 21. Выбор	121
Глава 22. Испытание	127
Глава 23. Пробуждение	133

Глава 24. Срыв	138
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Глава 1. Трое

Нас было трое: я и они.

Кто именно «они», ответить я бы не сумела — могла лишь остро ощущать этот момент.

Мужские руки держали мое тело. Одна пара властно прижимала спиной к себе, умело дразня мою грудь так, что соски уже предательски отзывались. Вторая — жадно скользила по бедрам, подбираясь все ближе к лону, уже жаждущему прикосновений.

Горячее дыхание обжигало с обеих сторон, и у меня не было сил сопротивляться. И когда палец одного из мужчин проник прямо в мою влажную щелку, я не смогла воспрепятствовать, только охнула от долгожданного предчувствия разрядки.

...Картинка исчезла так же внезапно, как и возникла, растворившись в хаосе. Перед глазами снова замелькали кадры неясных действий. Сцены ярко вспыхивали, но тут же угасали. Задыхаясь, я лихорадочно вглядывалась в эти фрагменты, чтобы понять хоть что-нибудь.

Остались сладкая слабость и странное чувство правильности. Я не рассмотрела лиц, но знала одно: их было двое, а я одна.

— Адель...

Я попыталась пошевелиться, но безуспешно: теперь вме-

сто двух пар рук тело словно сковала тонкая пленка. Эта склизкая масса плотно облежала и обволакивала. Даже шевельнуться было невозможно — засасывающие мокрые сети удерживали, цепляясь за клеточки кожи.

Глаза открыть получилось, но обстановка виделась смазанным пятном. Как будто я силилась разглядеть окружающее пространство сквозь полиэтилен.

Свет мерцал на поверхности, отражая все подряд и ничего одновременно. В отдельных бликах мелькали контуры однокурсников, их растерянные лица и смешанные эмоции — страх, любопытство, удивление. Каждое отражение казалось искаженным: сам мир играючи шутил надо мной.

Тело покачивалось на легких волнах, оставаясь при этом на одном месте. Бесстрастное движение вперед и назад, снова и снова.

Спустя миг эта обманчивая безмятежность улетучилась. На смену ей пришли голоса, становящиеся громче и громче. Прислушавшись, я смогла распознать одно-единственное слово. Оно пробилось сквозь гул, узнаваемое и смутно знакомое:

— Адель...

Это слово повторялось рефреном, к нему добавились другие, тоже казавшиеся едва уловимо привычными:

— Адель... Ее точно так зовут? Я еще не всех запомнила...

— Да, так...

Некто коснулся моего плеча, каким-то образом пробрав-

шлись сквозь эту густую пелену, окутавшую мое тело.

— Литвинова, алло, гараж!

— Блин, да что с ней?

Голос звучали все отчетливее, однако им никак не удавалось вытолкнуть меня из этого состояния полусна-полубреда.

Еще один голос присоединился к первому:

— Адель, ты слышишь?

Стало ясно: это не абстрактные звуки, а вполне реальные голоса. Постепенно выплывая из глубокого забытья, я вдруг уловила, что зовут меня.

Одногруппники столпились тесным кольцом и испуганно вглядывались в мое лицо, стараясь понять, в порядке я или нет.

— Ну даешь, — с заметным облегчением выдохнула Таисия. — Мы уж думали, все, хана тебе.

Хана? Я с трудом вспомнила смысл этого слова. Да и вообще пока еле-еле осознавала действительность.

— Ты как? — осторожно спросил кто-то из толпы.

— Да вроде норм, — неуверенно выдавила из себя я, хотя нормальным мое состояние можно было назвать с большой натяжкой.

Во мне все содрогалось от напряжения, конечности дрожали, а голова гудела. Я попыталась сконцентрироваться, припоминая произошедшее, но кусочки не спешили собираться в цельную картину.

Но тело все еще горело, будто не знало, что все закончилось. Я судорожно сжала бедра, чувствуя липкую влажность, и сердце ухнуло вниз. Боже, что со мной?

Я же... девственница. Я ни разу никого по-настоящему не целовала. А тут — двое мужчин, сразу двое, и я... хотела этого. Очень.

Я не могла списать это на фантазию. Слишком явно ощущались пальцы, дыхание, жар их тел. Как после такого убедить себя, что это была всего лишь иллюзия?

Меня затошнило от стыда. На уме вертелось одно: шлюшка. Но вместе с этим накрыло жгучее воспоминание касаний их рук. И внутри стало только горячее.

— А что случилось? — обвела я взглядом присутствующих.

— Ты затряслась, было жутко, — затараторила все та же Тая. — Мы так испугались. Но сделать ничего не успели, ты пришла в себя.

Я рискнула подняться, опираясь ладонями о пол. Но ноги казались ватными, набравшими в себя свинца. Комната кружилась, наклоняясь то вправо, то влево, а перед глазами плясали разноцветные пятна. Низ живота пульсировал.

— Что-то встать не выходит, — неловко пробормотала я, хватаясь за край стола. — Так что посижу пока тут.

Ребята переглянулись, а Тая поспешно бросилась на помощь, поддерживая меня за плечи.

Тут дверь отворилась, и появилась наша преподаватель-

ница по практике зеркальных перемещений Елена Алексеевна Васильева.

— Так я и знала, — театрально всплеснула она руками. — Ни на минуту одних оставить нельзя. Что с Литвиновой?

В аудитории повисло молчание. Видать, никто не хотел брать на себя ответственность и докладывать преподу о моем провале. Что ж, пришлось делать это самой.

— Я, видимо, потеряла сознание, — виновато призналась я.

Упражнение называлось «Зеркальный импульс». Его суть заключалась в том, чтобы отправить свой разум в портал при помощи зеркала и удерживать его там определенное время.

Зеркало отражало каждое чувство, обостряло восприятие телесных и эмоциональных реакций, заставляя замечать то, что обычно скрыто в глубине. Так мы учились контролировать и направлять внутреннее возбуждение так же, как и магическую энергию. Но что-то пошло не так.

— Опиши все по порядку, — строго приказала мне Васильева.

Я откашлялась. Однокурсники притихли.

— Я начала упражнение стандартно: очистила сознание, сосредоточилась на зеркале и произнесла заклинание, — старательно стала я перечислять все, что произошло. — Разум плавно вошел в портал, возникло состояние свободного полета, — я замолчала, подбирая слова для описания случившегося со мной пару минут назад.

Преподша кивнула, призывая продолжать.

— Затем началась неразбериха, — я сделала вид, что напрягла память. — Я видела какие-то лица, события... пейзажи. Сложно выделить что-то.

Я была готова провалиться сквозь землю, но не описывать, какую именно наблюдала сцену. И даже поучаствовала в ней. Лицо пылало, на него точно вылили кипяток. Сначала щеки, потом лоб, уши — жар расползался пятнами. Что я могла сказать: что вообразила себя в объятиях двух непонятных фигур и чуть ли кончила от ощущений — настолько они были реальными?

Глава 2. Река прошлого

В кабинете повисла тишина, и только покашливания и дыхание одноклассников напоминали о действительности. Я попыталась собраться, но тело все еще дрожало, а память о виденном словно отказывалась становиться ясной — или я просто не хотела делать ее реальнее.

— Дальше, — сухо бросила Елена Алексеевна.

— А потом тело сковала невидимая липкая сила. Каждое движение давалось с трудом, пространство вокруг меня сопротивлялось, — я поежилась, а кто-то рядом нервно хохотнул.

Елена Алексеевна нахмурилась, пристально смотря на меня поверх очков, и жестом попросила продолжать.

— Было трудно сфокусироваться, — проговорила я. — Мир выглядел как сквозь грязную линзу, мутно и расплывчато. Я находилась в каком-то подвешенном положении: тело качалось, но оставалось неподвижным.

— И больше ничего? — с сомнением уточнила Васильева. — Никаких конкретных лиц, например?

Я отрицательно покачала головой, не поднимая глаз — не только от стыда, но и потому, что за эти первые несколько дней учебы ни у кого не было ничего подобного. Молчание затянулось, пока его не прервала Елена Алексеевна:

— Ваше сознание застряло в промежуточном состоянии,

потеряв связь с физическим телом. Вы попали в реку прошлого. Надеюсь, помните о такой?

— Да, конечно, — выпалила я чересчур быстро, чуть ли не перебив.

И как я сразу не поняла. И как можно было не помнить? Мы же только что разбирали реку на лекции и семинаре. Рассматривали во всех подробностях ее уровни и слои — от верхних течений с размытыми образами и чувствами до темных глубин, где память о прошлых жизнях становилась вязкой субстанцией, способной затянуть и не отпустить уже никогда.

Одногруппники начали переглядываться между собой — видимо, тоже припоминая пройденный материал. Нас учили, что эта река протекала через миры, сохраняя и отражая память всех живых существ. Погружение в нее позволяло припомнить забытое, вытащить из себя давно похороненное: детские страхи, старые обиды, сцены из жизней — даже предыдущих.

Осознанно пользоваться всеми преимуществами реки выходило только у продвинутых магов. Некоторые умели в ней буквально плавать — выбирали нужный момент и выныривали из прошлого с точными знаниями.

Я же была первокурсницей, которая едва выстраивала защиту при вхождении в медитативное состояние. Мой опыт общения с рекой ограничивался сухой теорией. До сегодняшнего дня...

— Не зря я всегда предупреждала о важности предварительного этапа: наверняка поторопились. В следующий раз будьте внимательнее. Идите отдыхать, а группа продолжит занятие.

Я еле добралась до вожаденной сейчас комнаты для релакса. Ноги путались, как и мысли. Все представлялось ирреальным, не до конца настоящим. Как будто я все еще была в реке — или, скорее, теперь она текла где-то внутри меня.

Хорошо, что в корпусе были специальные кабины для расслабления. Не стандартные комнаты с потертыми диванами — а индивидуальные капсулы с мягким светом, стабилизирующим поле сознания. А еще тихим шорохом магических волн, от которого и самая тревожная голова переставала гудеть.

Я плюхнулась в кресло-папасан, завернулась в плед и уставилась в стеклянный потолок, за которым вяло переливались зелено-синие всполохи — иллюзия ночного неба. Они влияли успокаивающе.

Почти сразу, минут через пять, рядом присела Тая и положила мне руку на плечо.

— Я отпросилась выйти, — пояснила она, не дожидаясь моего вопроса. — Ты все еще дрожишь.

Я пожала плечами, все еще не уверенная в том, что стоит рассказывать об увиденном даже Тае. Я знала ее всего несколько дней — мы познакомились на зачислении, но уже сдружились. Вроде бы она была неплохой девчонкой. Но я

пока сомневалась в том, что могу ей доверять. Тем более, что речь шла о настолько неприличных вещах, что у меня кружилась голова от одной только мысли об этом.

— В понедельник же у нас посвящение, — снова заговорила Тая — наверное, чтобы отвлечь меня. — Волнуешься?

— Честно... не знаю, что ждать, — призналась я.

— Я тоже, — мечтательно закатила глаза Таисия. — Хоть бы моим наставником стал симпатичный старшекурсник!

Я усмехнулась — насколько я успела узнать Таю, в этом была вся она: типичная студентка факультета очарования и иллюзий, в отличие от меня.

Подруга упорхнула обратно на пару, а я продолжила приходить в себя. Получалось с переменным успехом: мыслями овладело странное предвкушение, а в нижней части живота появилось тепло — едва заметное, но не дающее покоя. Оно сжималось и разжималось, заставляя сердце биться чаще.

Я глубоко вдохнула и выдохнула, пытаюсь вернуть контроль над собой, но ощущение чего-то запретного, опасного и возбуждающего, уже было со мной.

Возможно, виной тому была река прошлого. Неясные воспоминания пробудили во мне что-то животное: трусики до сих пор были мокрыми насквозь.

Я вспомнила свой провал, и меня опять обдало волной стыда. Ну как можно было забыть об этой реке и не узнать ее после всей этой вдалбливаемой нам совсем недавно теории?!

Однако кабина для релакса действовала: минут через два-

дцать меня и вправду отпустило. К тому моменту, как пара у моей группы вроде бы должна была закончиться, я уже практически пришла в норму. Даже белье высохло.

В уме мелькнуло предположение, что я ошиблась, не так интерпретировала видения, а фигуры и прикосновения мне привиделись. В конце концов, у меня не было в этом никакого опыта, так что чего было ожидать?

И все же ошибки не было. Эти касания были слишком явными и реальными. Сердце стучало быстрее, и внизу живота таилось непостижимое тепло.

Правда, порефлексировать мне не дали. Совсем скоро дверь в мою кабину вновь отворилась.

Глава 3. После пар

На пороге ожидаемо оказалась Тая. Пара по межпространственным перемещениям была последней на сегодня. Правда, занятие я с треском провалила, так что радоваться было нечему. Но зато сейчас можно было отправиться домой и переживать о том, что со мной произошло, уже там.

— В принципе, ты ничего не пропустила, — обнадежила меня Таисия. — Так, в очередной раз прошлись по реке. Тебе некоторые завидуют, кстати, что ты лично ощутила все это.

Я поводов для зависти не видела, так что промолчала, стараясь не думать о том, могу ли я уже считать себя падшей девушкой, или пока еще нет.

Мы вышли из Института. Холодный ветер, как всегда, налетел внезапно — резкий, сырой, въедливый. Несмотря на всего-то начало сентября, было довольно прохладно.

Я поежилась и плотнее запахнула бомбер — темно-синий, с эмблемой факультета на рукаве. Нам выдали их на старте учебы, и с тех пор я его и не снимала. И планировала делать так и дальше: зимой куртка наверняка отлично сочеталась с термобельем, а лето в Питере было преимущественно такое дождливое, что бомбер не смотрелся странно.

Институт чар и зеркал располагался в самом центре города: недалеко от вокзала и главного торгового комплек-

са. Удивительно, но мало кто из жителей знал о том, что в сердце Санкт-Петербурга прячется учебное заведение, посвященное тайнам отражений и магии воздействия на разум. Впрочем, я и сама до недавнего времени об этом понятия не имела — пока родителям не пришло письмо с уведомлением о моем зачислении. Да, прям бумажное.

Они, конечно, подумали, что это чей-то розыгрыш. Потом мама всерьез заподозрила секту. Папа же проверил письмо на просвет, затем вбил в поиск «Институт чар и зеркал», наткнулся на официальный сайт и только удивился, как далеко зашли эти шутники. Я тоже была уверена, что кто-то перечитал или пересмотрел «Гарри Поттера».

Все пошло наперекосяк, когда родители добрались до раздела с учебным планом. Мама, увидев названия вроде «Прикладное обаяние» и «Боевые применения очарования», едва не расплакалась: сказала, что из меня сделают то ли гейшу, то ли профессиональную соблазнительницу. Папа молчал, но по его лицу было видно — мысль о том, что дочь будет учиться «чарам и обольщению», его тоже не радовала.

Но когда родители заметили предметы «Энергодинамика мага и структура тонких тел» и «Этические и правовые аспекты магии», немного успокоились. И чем дальше читали, тем яснее становилось, что даже за легкомысленными наименованиями скрываются фундаментальные научные дисциплины с кучей теории, формул, рисков и требований.

Выяснилось, что в Институте готовят специалистов, спо-

собных работать с восприятием, отражениями и — как там было на сайте? — «коррекцией структур реальности».

Окончательно расставить все точки над «и» помог звонок из приемной комиссии. Сотрудник вежливо представился, подробно описал программу, поведал о целях обучения и строгих правилах безопасности, объяснил, что все курсы имеют академический характер и изучаются под контролем преподавателей.

Родители внимательно слушали, морщились, кивали. И согласились. Но, хоть и поняли, что дело серьезное, все равно остались настороженными.

Я понимала родителей. Информация о людях с магическими способностями всегда была очень засекречена, и только недавно об этом заговорили открыто. Поэтому многие ни о чем таком не слышали, особенно старшее поколение. Да и остальные, даже живущие в двух шагах от Института, были в курсе, что где-то рядом есть странное учреждение — вот и все.

Однако государство умело убеждать, когда действительно в этом нуждалось. Магов было ничтожно мало — меньше одного процента населения, если верить статистике. Поэтому за каждого такого человека цеплялись мертвой хваткой — это я позже поняла.

Так я и очутилась в Институте, из которого мы с Таей вывалились, жадно вдыхая пропитанный влагой и запахом мокрого асфальта воздух.

— Может, пойдем куда-нибудь перекусим? — повернулась ко мне Таисия. — Ты как?

Идея еще больше сблизиться с Таей показалась мне удачной. В Институте мне пока многое казалось непонятным — от правил до изучаемого материала, и моральная поддержка лишней не была.

— Давай, — охотно откликнулась я. — Тут недалеко есть моя любимая пиццерия... если ты не против.

Тая против не была. Мы пересекли Лиговский и пошли по направлению к популярному креативному кластеру. Чтобы найти пиццерию, нужно было свернуть во дворы. В это место было не зайти с улицы, если не знать адреса. Но именно это мне и нравилось — иначе было бы не протолкнуться.

Мы завернули в подворотню, и город будто чуть приглушил голос. Шум большого проспекта остался позади, воздух стал разреженнее. Пара шагов — и мы укрылись в крохотном пространстве, наполненном запахом пиццы и кофе.

Не сказать, что тут было модно. Скорее, по-простому, по-домашнему, по-свойски. И на ценах это тоже отразилось — в лучшую для нас сторону, конечно. Тоже магия для центра, если так прикинуть.

— Ну что, отошла от своего обморока на паре? — спросила Тая, рассматривая меню.

Я кивнула, отведя взгляд. Мне все еще было не по себе — от одной только мысли по телу бежали крупные мурашки, а низ живота начинал сладостно ныть. Я предпочитала не

размышлять, почему.

— Так а что там было-то? — не отставала одnogруппница.
— Расскажи, я же никогда не была в реке прошлого!

— Только то, что я на паре рассказала, — отрезала я. Получилось чуть резче, чем планировалось, и я тут же смягчилась. — Правда, Тай, мне и самой не хочется в это опять лезть. Все как в тумане. Обрывки какие-то, лица чужие... И все это не как сон, а как будто ты там была, чувствовала, дышала. При этом нельзя быть уверенной, что это про тебя. И пошевелиться никак.

— Мда, крипово... — задумчиво отозвалась Таисия. — Об этом нас почему-то не предупреждали.

— Смотри, это же те самые... — слышался приглушенный шепот откуда-то позади. Видимо, вычислили нас по форменным бомберам Института чар и зеркал. За несколько дней учебы я привыкла к этим перешептываниям, но почему-то стало неприятно.

Для жителей, чуть-чуть знающих о магии и тематических институтах, мы были не просто студентами, а персонажами какой-то чужой, немного пугающей реальности, которую они могли наблюдать только издалека. В этих взглядах было одновременно и восхищение, и страх, и недоверие.

Мы с Таей заказали пиццу на двоих, и я решила сходить в уборную: после напоминания о реке внутри что-то екнуло, а от шепота испортилось настроение. Вздумалось встать, пройтись, отвлечься. Я протопала мимо стойки и ба-

риста-кассира, который напевал что-то себе под нос, толкнула дверь.

Туалет тут был миниатюрным, под стать кафешке — но главное, что вообще имелся. Все было как всегда: зеркало, раковина, жидкое мыло в банке без наклейки. Я включила воду. Мельком взглянула на свое отражение — и вскрикнула, не веря своим глазам.

Глава 4. То, чего не было

В зеркале отражалась не только я, но и двое мужчин. Я в ужасе обернулась, но в тесной кабинке не было никого, кроме меня. В первые секунды я подумала, что игра света обманула глаза, что это просто тень или отражение лампы.

Но взгляд обратно в зеркало не оставил сомнений: фигуры присутствовали там, такое было невозможно списать на воображение.

Я шагнула назад, но мое отражение проигнорировало это поведение: продолжило двигаться в такт движениям мужчин. Я пригляделась: они гладили ее! Или меня? И мне — или ей — это, видимо, нравилось.

Я присмотрелась, силясь разглядеть парней получше в полумраке уборной. У одного были выбеленные волосы, у другого — кудрявые каштановые. И оба они были ослепительно красивы, насколько я смогла рассмотреть.

Их руки медленно скользили по моему телу, трогая даже грудь под футболкой. Я стояла как зачарованная, не в силах отвести взгляд от отражения и этой неприличной сцены. Ощущая при этом не только панику, но и непонятное возбуждение.

Каждое движение пробуждало во мне неожиданную дрожь. Все эти прикосновения казались невероятно явственными, хотя физически рядом со мной никого не было.

Все это длилось несколько секунд, не больше, но будто целую вечность. Затем лампочка над головой мигнула, и в зеркале опять отобразилась только я одна, словно ничего и не было.

Я приблизилась вплотную. Зеркальная поверхность, мутная от влаги, ответила привычной картинкой: мое обычное лицо, разве что чуть уставшее.

Не знаю, сколько я вглядывалась в свое отражение, убеждая себя, что все в порядке, и мне почудилось — правда, безуспешно. Но страх — острый и чистый — унять не удалось. Уже второй раз за день меня посетили видения — оставалось сделать вывод, что со мной творилось что-то неладное.

Я поспешно вытерла руки бумажной салфеткой, и щелкнула замком двери. Пиццу уже принесли, и Таисия успела уплести кусок.

— Долго тебя не было, — возмущенно выпалила она, отрываясь от пиццы. — Я уж думала, ты в свое отражение провалилась. Ну честно, как-то ты очень не вовремя ушла... — она еще что-то бормотала, но осеклась, заметив мое выражение лица. — Ты чего такая?

— Да в туалете лампа как-то необычно замигала, — почти не соврала я, стараясь говорить как можно непринужденнее. — Страшновато стало.

Тая что-то пошутила насчет моей выборочной боязливости и принялась за пиццу. Я тоже взяла кусочек, машинально откусила, но вкус не чувствовался.

— Тая, — осторожно начала я, — а тебе когда-нибудь в зеркале... что-то странное показывалось?

Она оторвала взгляд от пиццы и прищурилась.

— Странное — это как? — переспросила она.

— Ну... — я попробовала подобрать слова. — Например, не свое отражение. Или люди в зеркале делали что-то, чего на самом деле не было. Или... там были фигуры, которых рядом нет.

Тая нахмурилась и всмотрелась в мое лицо, видимо, пытаясь понять, серьезно ли я.

— Типа, как в этих фильмах про паранормальное? — произнесла она заинтересованно.

Я кивнула, и рот сам собой выдал:

— Да, примерно так. Сейчас в туалете... я увидела какие-то фигуры в отражении.

— Может, тебе привиделось?

— Может, — слукавила я, чтобы не выглядеть совсем уж поехавшей. — Ну, в общем, у тебя такого не было, да?

Тая задумчиво поводила пальцем по краю тарелки.

— Наверное, галлюцинации у всех случаются. Я обычно такое списываю на усталость, или свет, или на то, что мозг сам додумывает.

— Видимо, и мне показалось, — попыталась завершить я разговор, пока он не завернул куда-нибудь не туда. Делиться своими фантазиями, если это они так дали о себе знать, я не была готова.

— А вообще... — вдруг продолжила Таисия. — У нас ведь еще только первый курс. И нас ведь не зря зачислили в Институт. Может, мы умеем видеть что-то внутреннее и скрытое, просто пока нас не научили, как этим управлять?

— Звучит логично, — задумалась я.

— Конечно! — вдохновенно воскликнула Тая. — Я уверена, что зеркала — это инструмент. Они не действуют без твоего участия. И наверняка отражение может быть не точным. Не все, что ты видишь, реально. Иногда это просто сигнал, подсказка, тест.

Несмотря на свою легкомысленность, Тая была права. Я слегка улыбнулась, ощущая облегчение, но напряжение, конечно, не ушло полностью.

Мы жевали остатки еды, и вокруг были запахи пиццы и кофе, приглушенные голоса других посетителей — ничто не могло нарушить эту обыденность.

Я старалась не возвращаться к тому, что увидела, но навязчивые воспоминания так и лезли в голову. И чем сильнее я пыталась отмахнуться, тем ярче в памяти всплывала картинка из зеркала.

Доев, я отставила тарелку, собралась и вышла из кафе вместе с Таей. Та что-то щебетала, а я молча шла, иногда что-то поддакивая.

До дома добралась как во сне, на автомате. Сняла бомбер, разулась и скрылась в своей комнате, кое-как поздоровавшись с родителями.

Но одной мне остаться не дали: практически сразу дверь приоткрылась, и на пороге возникла мама.

— Ты какая-то загадочная — пришла и сразу спряталась, — настороженно изрекла она, скрестив руки на груди. — Ничего не болит?

С момента моего поступления в Институт мама то и дело выискивала в моем поведении что-то подозрительное. Она по-прежнему скептически относилась ко всему, что было связано с магией — в том числе и к моей учебе в Институте.

— Да, просто устала, — коротко ответила я. — День был... насыщенный.

Уют квартиры окутывал меня привычным теплом, но отголоски сегодняшних событий все еще отзывались где-то в глубине души. Первый раз в жизни я прочувствовала на себе, что обычный и магический миры существуют в одном пространстве, но не соприкасаются.

— Насыщенный, конечно, — пробурчала она. — Это все из-за ваших этих пар. Пошла бы учиться на экономиста — жила бы как человек.

Как будто у меня был выбор. Я промолчала — и мама закрыла дверь.

А мои мысли продолжили крутиться вокруг зеркала в уборной. Я старалась рационально объяснить себе происходящее — что это иллюзия, плод воображения. Но слишком реальным было то, что я наблюдала в отражении.

А главное, я не могла понять, чего боюсь больше — того,

что показало зеркало, или того, что мне это понравилось.

Глава 5. Погружение

Ночью мне не спалось: слишком уж своеобразным выдался день. Тело и разум утомились, но не могли отключиться. Мозг продолжал бешено гонять обрывки переживаний. Я снова и снова погружалась в воды реки, где все казалось размытым и нереальным.

Хотя Тая и упомянула о зависти, я по-прежнему не испытывала желания вновь очутиться в том подвешенном состоянии. Мой уровень магичности явно не позволял мне извлекать выгоды от этой ситуации.

А еще это безумное отражение. Я готова была поклясться, что не применяла никаких заклинаний и методик в туалете пиццерии. Магию было запрещено использовать вне Института, об этом нам напоминали с первого дня. За стенами учебного заведения такие вещи разрешались только в крайних случаях, и нарушения грозили серьезными санкциями. Кто я была такая, чтобы нарушать правила?

Может быть, причина была в самом зеркале. Или кто-то задействовал магию поблизости, и это повлияло на меня. Или я была тайной фантазеркой-извращенкой, не подозревая об этом раньше. Я могла только гадать.

В общем, заснуть никак не получалось, а за окном моросил привычный питерский дождь. Этот звук, обычно убаюкивающий, сегодня сбивал с толку, раздражал.

Однако в какое-то мгновение я все же провалилась в забытие. Или, точнее, перетекла в странный полутемный слой между сном и явью, зависнув в промежуточной стадии.

И опять очутилась в воде. Густая, вязкая субстанция обволакивала тело, но теперь это не пугало — напротив, воспринималось как нечто естественное, органичное. Я словно растворялась в этой толщине, становясь частью мягкой, упругой реки.

Меня качивало на медленных волнах. Само течение дышало в такт со мной: вдох — вода поднимает меня чуть выше, выдох — опускает вниз. Ни страха, ни тревоги, только туманное спокойствие и сладкая отрешенность.

Водные потоки походили на нежные касания: неуловимые, но чувственные, будто кто-то водил ладонью по коже. В этом было что-то приятное, от чего хотелось задержаться в этом зыбком пространстве дольше.

Вокруг клубился водоворот образов: лица, фразы, незавершенные жесты, случайные сцены. Они не имели ни начала, ни конца, переплетаясь в нескончаемый вихрь. Все ускользало, не давая зацепиться хоть за что-то реальное.

...А потом я распахнула глаза. Потолок моей комнаты показался невыносимо тусклым после этого сна. На душе осталось смутное чувство — будто я потеряла что-то важное, хоть и не знала, что именно. Легкая тоска и сожаление о чем-то ускользнувшем цепляли сильнее, чем хотелось бы. Но никаких силуэтов, неприличных сцен и щекочущих ощущений

не было — и то ладно.

Проснувшись, я будто все еще ощущала покалывание на коже, как если бы вода не полностью отпустила меня.

Как правило, я проводила выходные с родителями. К тому же, теперь, когда они и так были недовольны расписанием Института: уже в следующем семестре пары обещали стать еще плотнее, а на отдых вообще отводился лишь один месяц — август.

Как нам объясняли, обучение магии и технике перемещений — это не просто усвоение методик, а постоянная внутренняя работа. Долго отдыхать возможности не было: рекомендовалось посвящать свободное время практике медитаций и балансировке энергетических потоков.

Зато в субботу пар пока что не было — не каждый универ мог похвастаться такой роскошью.

Когда я зашла на кухню, родители тут же замолчали. Их завтрак, судя по всему, уже давно был позади — сейчас они пили чай.

— Ну ты спать, уже полдня прошло, — шутливо заметил папа.

— Я мало спала, — не подумав, отозвалась я, — не могла заснуть.

— Еще бы, — поджала губы мама. — Дурят вам там головы, а вы потом заснуть не можете.

Я закатила глаза, но комментировать не стала. Эти разговоры с момента моего зачисления повторялись с завидной

регулярностью, и я уже перестала обращать на них внимание.

Отец сидел, уставившись в экран телевизора — как обычно, игнорируя любую попытку втянуть его в дискуссию.

— Ну, у всех вузов свои странности, — пробормотал он, не отрываясь от экрана, и снова умолк.

Конфликтов он не любил, и всегда старался прикинуться ветошью — авось прокатит.

Несколько минут мы провели в блаженной тишине. Родители прихлебывали чай и смотрели какое-то кулинарное шоу. Мама периодически кидала на меня испепеляющие взгляды, подыскивая повод для следующего раунда семейного спора. Я сделала себе бутерброды с тофу и заварила быстрорастворимый черный кофе.

И тут мама тяжело вздохнула. Это значило, что быть беде.

— И все-таки ты бы лучше в нормальный вуз поступила, — без всяких вступлений заявила мама.

Я отставила стакан с недопитым кофе:

— Мам... Ты серьезно?

— Конечно, серьезно! — возмущенно воскликнула она. — Все твои отражения, порталы, зеркала... Да еще эти... чары, прости господи. Ты думаешь, ты волшебница? Да это же бред. Сказать кому стыдно.

Я покосилась на отца. Тот беспомощно пожал плечами и кивнул, как будто присоединяясь к высказанному мнению.

— Мне там нравится, — угрюмо буркнула я, сосредото-

чившись на своем нехитром завтраке.

— Конечно, нравится, — язвительно фыркнула мама, яростно помешивая сахар в чае. — Потому что можно ничем не заниматься и изучать какую-то лабуду. А потом кто тебя возьмет на работу с таким образованием?

Я сжала губы и ничего не ответила. Любые аргументы звучали как оправдания или возражения. Всякий раз, когда я пыталась высказаться, беседа заканчивалась новой порцией упреков в мою сторону.

Судя по всему, родители традиционно запланировали провести выходной дома — к ним присоединилась и я. Помыла посуду, пропылесосила, а потом засела за домашку по психологии магии.

По плану стояло заполнение личного дневника эмоций. Задание представлялось элементарным: ежедневно фиксировать свое эмоциональное состояние и отмечать, что оказывает влияние на самочувствие.

На поверку это оказалось сложновато: порой было лень, а иногда — невозможно адекватно оценить собственные эмоции. О стабилизации эмоционального фона вообще лучше промолчать. К тому же в понедельник после пар у нас было посвящение, и я волновалась.

После я решила немного передохнуть и посмотреть телевизор вместе с родителями. Раз в неделю я позволяла своим мозгам закинуть в мареве поп-хитов и бессмысленных глянцевого ток-шоу со звездами.

Идя по коридору из комнаты в зал, я бросила мимолетный взгляд на зеркало, висящее на двери шкафа. И тут же остановилась как вкопанная. В отражении позади меня виднелись те самые двое мужчин. Один — светловолосый, с почти белыми прядями, другой — темноволосый, кудрявый.

Они были слишком близко — их дыхание касалось моей кожи, горячее и смущающе интимное. По позвоночнику пробежала дрожь, как от чего-то запретного. Казалось, стоило мне откинуться назад — и я коснусь одного из этих тел, почувствую чужое прикосновение. Вместо страха во мне вспыхнуло волнение, похожее на желание.

Сдавленный вздох вырвался сам собой, и я обернулась, резко вскрикнув. За спиной никого не было — только пустая прихожая и ровный свет лампочки. Снова глянула в зеркало — и фигуры исчезли. Только я в домашней футболке и ошарашенными глазами. То еще зрелище.

— Ты чего там? — крикнула мама из гостиной, услышав мой возглас.

— Ничего! — откликнулась я запоздало и чересчур громко. — Споткнулась.

Еще не хватало говорить маме о галлюцинациях — ее хватил бы Кондратий, а учебы в Институте мне больше было бы не видать.

Выдохнув, я двинулась дальше, силясь стереть из памяти то, чего, по идее, не было.

Или было?

Глава 6. Переход

Воскресенье пролетело незаметно — я занималась тем же самым, что и в субботу, разве что сходилa с мамой в кофейню в нашем жилом комплексе. От этой обыденности особенно странно было осознавать, что завтра предстояло посвящение.

И вот наступил понедельник. Учебный день в Институте чар и зеркал начинался в десять. Это было удобно, так как большинство людей ехали на работу к девяти, и после этого времени метро было хотя бы чуток посвободней.

Мне повезло: одиннадцать минут подземной вибрации от «Ломоносовской» до «Маяковской», затем перейти на «Площадь Восстания». И все — остается прогуляться до Института.

Впрочем, даже если бы дорога занимала больше часа, я бы все равно не жаловалась. В отличие от многих, я обожала утреннее метро. Люди в это время суток были без масок: усталые, сонные, замкнутые, отстраненные.

И особенно — в отражениях. Стекла вагонов, мутные и вибрирующие, передавали действительность куда честнее, чем любое зеркало. Я неоднократно ловила себя на том, что в метро чаще гляжу не по сторонам или в экран смартфона, а в стекло — в эти нечеткие смазанные дубли реальности. Увлечшись, порой проезжала свою станцию, и приходилось

возвращаться.

— Я вот думаю, почему по утрам всегда лекции? — зевая, проворчала Таисия, пока мы поднимались на пятый этаж на пару по истории и теории зеркальной магии. — Ну правда, это же нелогично. Слушать занудные речи — последнее, что нужно утром. Практика взбодрила бы намного эффективнее.

— А представь, если ты совершишь какую-нибудь ошибку на практике, едва продрав глаза? — прыснула я. — Или заснешь прямо в процессе. Так что как раз разумно.

— Возможно, ты и права, — нехотя согласилась Тая. — Кстати... заполнила дневник эмоций?

— Да, но у меня скоро поля закончатся, — пробормотала я. — Настроение скачет. С утра вот опять поссорилась с родителями. Не могла найти тренировочную маску по «Искусству маскировки и личин», и маме это не понравилось.

Маска была неотъемлемым атрибутом на занятиях: без нее чары новичков просто не держались. Она принимала на себя заклинание и проявляла смазанное отражение выбранного облика. Мы должны были доводить картинку до четкости и учиться удерживать ее хотя бы несколько минут.

— В смысле — не понравилось? — удивленно развернулась ко мне подруга. — Что ты ее вечером не подготовила?

— Нет, ей в целом не нравится, что у меня есть такие штуки, — посетовала я. — Мол, это какие-то маскарады, игрушки. И вообще эта учеба никому не нужна. Я стараюсь не светить артефактами дома, но иногда не получается.

— Ого, — вытаращила глаза Тая. — Я и не подозревала, что у тебя все так жестко. Мои вот рады, гордятся и всем рассказывают, где я учусь. Как будто я Марс покорила или изобрела лекарство от рака.

Я завистливо вздохнула, и мы вошли в аудиторию. Лекции пошли обычным чередом: преподаватели вещали о важном, я улавливала отдельные слова и кое-что записывала, силясь выглядеть включенной. Но мозг работал в каком-то рассеянном режиме. Даже любопытные темы пролетали мимо, не затрагивая воображение.

Из мыслей не шли последние события: видение в реке прошлого и отражение в пиццерии. Я так и не решилась рассказать Тае. Не потому, что не доверяла — наоборот, подруга наверняка бы выслушала и не осудила. Но... как такое выразишь? Особенно, если сам до конца не понял, что произошло.

После такого потока теории без еды было не выжить. Обед в Институте проходил в столовой «Переход», расположенной в цоколе здания. Мы спустились по широкой каменной лестнице в подвальное помещение, заполненное студентами всех курсов.

Если честно, в столовой мне было немного неуютно. Свет здесь казался каким-то тусклым, словно лампочки закрыли фильтрами — освещение давало лишь слабый желтоватый оттенок. Потолок ощущался низким и давящим. На стенах висели старые пыльные зеркала в облупленных рамах. Ходи-

ли байки, что тот, кто на спор решит протереть одно из них, неделю спит с ночником, боясь темноты.

А еще в углу находился старенький вентилятор, издававший постоянный назойливый гул, похожий на жужжание огромного пчелиного улья. Зато благодаря ему здесь хотя бы поменьше воняло вареной рыбой, что уже было плюсом.

Мы с Таем взяли еду и устроились за свободным столом. Некоторое время обе ели молча — после двух пар в голове звенело. Я ковырялась в тарелке с разваренными макаронами и соевым гуляшом, периодически делая глоток теплого киселя. Было не особо вкусно, но чтобы дойти до ближайшей приемлемой кафешки, не хватило бы сорока пяти минут перерыва.

— Ну как, — нарушила молчание Тая, — готова к посвящению?

— А к нему нужно как-то особенно готовиться? — фыркнула я.

С самого утра все только и говорили, что о предстоящем событии. Я же просто хотела, чтобы это все поскорее закончилось.

— Ты не представляешь, как я жду! — глаза Таи загорелись. — Особенно момента с наставником.

Я усмехнулась:

— Да уж, интрига еще та.

То, чего первокурсники ожидали сильнее всего — назначения куратора из числа старшекурсников. Это было самое

интересное. Во время посвящения каждый из новозачисленных смотрел в зеркало — и видел там своего наставника. Такой ментор сопровождал в течение первого года — а потом наступал этап свободного плавания.

Формально наставничество считалось обязательным: каждый первокурсник должен был иметь старшекурсника, который помогает и следит за его прогрессом. Но на деле все было куда проще. Кто-то относился к этому всерьез, а кто-то договаривался не трогать друг друга, и лишь отмечался в деканате для галочки.

— Надеюсь, мне достанется кто-нибудь классный, — мечтательно протянула Тая. — Красивый, умный, с чувством юмора. Или хотя бы не зануда.

— А я вот боюсь, что мне выпадет какой-нибудь задрот, который будет дышать мне в затылок и перепроверять каждую мелочь.

— Может, тебе повезет, — лукаво прищурилась она. — Говорят, иногда в зеркале показывают тех, кто тебе... подходит не только в учебе.

Я покраснела и поспешно уткнулась в тарелку.

— Да ладно, — продолжала Таисия, — представь: смотришь ты в зеркало, а там стоит он: высокий, харизматичный, красивый. И ты понимаешь — все, это судьба.

— Ты слишком много романов читаешь, — отрезала я, но улыбку все же сдержать не смогла.

— Может быть, — согласилась подруга. — Но все равно...

А вдруг? Главное, чтобы не девушка попалась! Неинтересно будет.

Я промолчала, изо всех сил стараясь не думать о фигурах, которые уже дважды захватили мое тело, пусть и в параллельной реальности.

Но почему-то при мысли о том, кого именно покажет мне сегодня зеркало, внутри одновременно разливались леденящий холод и будоражащий жар.

Глава 7. Активация

Актальный зал Института чар и зеркал выглядел величественным и чуждым: чересчур помпезно он был обставлен. Это место произвело на меня впечатление еще при зачислении.

Высокие колонны и потолки, хрустальные люстры, ряды бархатных кресел с позолоченными подлокотниками. Зеркала в резных рамах, расположенные вдоль стен, отражали пространство, умножая его в несколько раз и создавая ощущение, что зал бесконечен, и ты всегда в какой-то незавершенной точке.

Впрочем, сейчас этого почти не чувствовалось, ведь огромное помещение было переполнено: в нем собрались первокурсники и пятикурсники всех факультетов. Поначалу все это мне казалось формальным мероприятием, но постепенно и я прониклась общей нервозностью. Кто-то молча шевелил губами, глядя вдаль, кто-то шептался с соседом, заливаясь смехом, чтобы скрыть волнение.

— Волнуешься? — шепнула мне Тая.

Сама она зыркала туда-сюда, наверняка присматриваясь к старшекурсникам и выбирая, кого из них она хотела бы видеть в качестве своего куратора.

— Немного... — произнесла я, старательно изображая невозмутимость. — А ты?

— Я? — она усмехнулась и пожала плечами. — Я только боюсь, лишь бы мне не достался какой-нибудь додик. Вон, вроде этого, — она махнула головой.

Я проследила за ее взглядом и увидела толстенького невысокого парня в углу. Его очки в толстой оправе то и дело сползали на кончик носа, а волосы, нуждающиеся в стрижке, торчали в разные стороны. Он постоянно поправлял одежду и неловко переступал с ноги на ногу.

— Да уж, — хмыкнула я, — такой точно не внушает доверия. Но, может, он зато очень умный?

— Умный-то умный, — фыркнула Таисия, — только мне такой не нужен, спасибо.

Я напоследок скользнула взглядом по бедолаге и отвернулась, продолжая ждать начала церемонии посвящения.

На сцене возник ректор — профессор Всеволод Александрович Таль, высокий седой мужчина в годах. Я видела его второй раз в жизни, первый был на зачислении.

— Доброе утро, дорогие первокурсники, — прогремел его голос в микрофон. — Прошла неделя с вашего обучения в Институте чар и зеркал. Сегодня вы окончательно ощутите себя его частью.

Преподаватели двинулись к длинным столам, стоящим по периметру. Я не сразу поняла, что они там делают, но когда один из них открыл коробку и достал маленький серебряный медальон, все стало ясно. Амулет был точно таким же, как те, о которых я слышала — подобные раздавались всем сту-

дентам.

Я читала, что каждый оберег был уникален: узоры на них причудливо переплетались, а вкрапления драгоценных камней мерцали. А еще — что медальон был не обычным украшением, а хранил в себе таинственную силу.

— Амулет — ваша настоящая связь с этим миром, — торжественно проговорил ректор, пока преподавы раздавали медальоны. — Талисман станет вашим спутником на протяжении всех пяти учебных лет. Этот магический предмет будет символизировать вашу приверженность к Институту и служить защитой.

Медальон оказался прохладным и довольно тяжелым. Когда он очутился в моей руке, я испытала давление в груди, как будто эта вещь тянула за собой всю магию Вселенной. Странное ощущение.

— После того как все амулеты будут вручены, — продолжил ректор, — мы проведем церемонию активации. В итоге талисман будет резонировать с вашими личными силами и активировать их.

Преподаватели отошли на свои места, и зал наполнился шепотами — все внимательно разглядывали свои обереги и обсуждали их с соседями.

Всеволод Александрович кашлянул в микрофон, и все умолкли, ожидая его слов.

— Процесс активации будет прост. Ваши талисманы начнут работать, как только вы сконцентрируетесь на них. Вы

связываете себя с магией — она будет с вами всю жизнь. Прикоснитесь к амулету и мысленно выразите свое намерение. Ваша магия отзовется, и медальон активируется, — сказал он.

Я стала вглядываться в изделие, которое держала в руке. Мои пальцы ощущали холод, но, кроме этого, ничего не происходило.

— Сосредоточьтесь, — ректор будто прочитал мои мысли. — Не думайте о лишнем. Почувствуйте мощь талисмана.

Я закрыла глаза, прислушиваясь к тишине, а затем коснулась камня. Все оставалось неизменным. Я предполагала столкнуться со свечением камней или небольшим дрожанием оберега, но все было как раньше.

Я уже почти решила отложить медальон и попробовать позже, как вдруг камни заискрились. В груди появилось легкое тепло, а талисман легонько завибрировал.

— Ну что ж, ваши амулеты активированы, — произнес ректор. — А теперь переходим к наставничеству.

Зал заметно оживился. Для многих первокурсниц это был миг, которого они ждали с самого начала учебы.

— Ваши наставники, — продолжал ректор, — будут вести вас первый год. Они покажут, направят, помогут избежать ошибок. Сегодня вы увидите своих менторов впервые. Специальное зеркало покажет того, кто станет вашей опорой.

— Хорошо говорить, давай к делу, — прошипела Тая рядом со мной. Ее серьезный вид в сочетании с таким словес-

ным напором невольно заставил меня улыбнуться.

Судя по всему, ритуал назначения наставников должен был продлиться до ночи: нас, первокурсников, стали вызывать по одному. Каждый предстал перед массивным зеркалом, в котором через некоторое время проявлялся куратор. Его поверхность была чуть мутной, а голубое свечение вырисовывало контуры.

Старшекурсники находились в зале, наблюдая за происходящим. Некоторые из них казались совершенно равнодушными, часть же напряженно следила за процессом. Многие переговаривались, оценивая новеньких — одни с интересом, другие со скукой, мечтая поскорее свалить отсюда.

— Помните, — провозгласил Таль, — зеркало откроет вам образ вашего наставника только при полной концентрации. Смотрите прямо, будьте открыты к восприятию, не пытайтесь обмануть магию.

Я кивнула, хотя слова не сильно успокаивали — скорее, напротив. К счастью, первокурсники сменяли друг друга достаточно быстро. Дошла очередь и до Таи. Та замерла, всматриваясь в затуманенную поверхность — наверняка молясь о том, чтобы обнаружить накачанного красавца.

Через мгновение на стекле проявился силуэт — девушка с длинными темными волосами и строгим взглядом. Тайно лицо резко изменилось — было видно, что она не может скрыть разочарования. Увиденное явно ее не вдохновило.

Старшекурсница, которая стала наставницей Таи, отдели-

лась от толпы и направилась к ней. Таисия же не спешила идти ей навстречу — слишком она была разочарована. Девушки поздоровались, и церемония продолжилась.

Так было с каждым первокурсником: всякий раз после того, как зеркало показывало наставника, тот подходил к своему подопечному и знакомился с ним.

Наконец назвали мою фамилию. Сердце заколотилось как сумасшедшее, губы пересохли. Мне стоило больших трудов внешне остаться спокойной и дойти до нужного места, не споткнувшись. На меня были устремлены десятки глаз, и это усложняло задачу.

Я взглянула в зеркало — в отражении виднелась только я: бледная и какая-то напуганная. Я медленно вдохнула, задержала дыхание и выдохнула.

По поверхности пробежала едва уловимая рябь. Затем зыбь усилилась, и линии начали складываться во что-то определенное и ужасающе узнаваемое.

— Пиздец... — слышалось где-то за моей спиной.

Глава 8. Наставники

Как бы мне хотелось, чтобы все это оказалось очередным наваждением, иллюзией, от которой можно проснуться. Но нет: я стояла перед зеркалом в огромном актовом зале, в то время как сотни глаз буравили мою спину. Их шепоты сливались в единый гул, от которого звенело в ушах.

А в отражении рядом со мной застыли две знакомые до боли фигуры: высокий блондин и темноволосый кудрявый парень с пронзительными зелеными глазами.

— Лазарев! — услышала я недовольный возглас кого-то из преподавов. — Вы не в клубе с друзьями. Выразаться будете в другом месте.

Наверное, это была реакция на мат — но я почти не обратила внимания. Я вообще не могла пошевелиться или издать какой-нибудь звук — оцепенело смотрела в зеркало, не веря своим глазам. Пальцы похолодели, а в горле образовался ком, мешающий дышать. Два наставника: как это вообще было возможно? Да еще и из моих видений. Может, зеркало сломалось?

Спустя мгновение рядом со мной материализовались ректор и кто-то из преподавателей — его я не знала. Мужчины напряженно вглядывались в зеркало — вероятно, чтобы удостовериться, что зрение их не подвело.

— Это... — начал препод.

— Да... — неопределенно, но вроде бы согласно хмыкнул Таль.

Они явно были растеряны, но внешне держались так, будто ничего необычного не случилось.

— Лазаревы, — наконец сказал ректор официальным тоном, — подойдите. Нам нужно убедиться, что... это корректно.

Так вот кто сматерился при виде отражения — один из моих будущих наставников! Не успела я осознать, что по этому поводу чувствую, как откуда-то с задних рядов лениво поднялись два человека.

Пока они шли, препод и Всеволод Александрович продолжали осматривать отражение и меня заодно. Они наклонялись, присматривались, тихо что-то обсуждали между собой, но при этом периодически бросали взгляды на аудиторию, чтобы сохранить видимость контроля.

Внезапно эти самые Лазаревы оказались прямо передо мной — каждый из них был реальнее всего, что я видела за последние дни. Мое сердце стучало где-то в висках, дыхание куда-то исчезло — не то чтобы я задыхалась, просто воздух не доходил до легких, а голова кружилась.

Голубые глаза парня с выбеленными волосами безэмоционально смотрели прямо на меня — он холодно изучал меня с ног до головы. Взгляд темноволосого был другим. Острый, огненный — он прожигал меня насквозь. Под этими сверлящими взорами я словно летела в пропасть и не могла оста-

новить это фатальное падение.

— Ого, — присвистнул кудрявый, — вот так соска нам досталась.

— Одна на двоих, — насмешливо изогнул бровь блондин.
— Интересное кино.

Я оторопело уставилась на них. Слово «соска» звучало довольно грубо, да еще и при преподах. Да и намеки эти грязные... Необходимо было срочно исправлять ситуацию, иначе от сомнительной репутации потом не избавиться, а я только поступила в Институт.

— Э-э... — выдохнула я, пытаюсь собраться и выдать хоть что-то вразумительное. — Вы... мои наставники? Одного... одного человека обычно...

— А тебе, я так понимаю, одного маловато, да? — развязно подмигнул мне кудрявый, отчего я окончательно растерялась.

Вступаться за меня никто не планировал: в этот момент ректор и препод, стоявшие позади, перешептывались между собой. Я слышала лишь отрывки:

— Это же невозможно...

— Как видите, возможно.

— Может, как-то успокоить аудиторию, Всеволод Александрович, пока никто не начал паниковать...

Лазаревы — видимо, братья, — казалось, не замечали ни преподавателей, ни остальных. Только меня. И это чувство полной концентрации удивительным образом успокаивало

меня, хоть вместе с тем и будоражило.

— Лазаревы, — прозвучал ровный голос Таля, — прошу вас вести себя дисциплинированно.

— О, дисциплина? — блондин усмехнулся. — Это мы любим. Окей, профессор. Но поверьте, скучать не придется.

Кудрявый наклонился чуть ближе ко мне и прошепел прямо на ухо:

— Готовься, это будет весело.

От его слов у меня пробежали мурашки. Что это вообще значило, черт возьми?!

— Прекратите! — вдруг взорвался второй препод. — Это — церемония наставничества, а вы ведете себя как подростки на перемене!

— Ну, — светловолосый пожал плечами, — мы просто согласовываем условия работы. Одна подопечная на двоих — ситуация редкая. Хотим понять, что с этим делать.

— Да, ситуация и впрямь уникальна, — задумчиво проговорил ректор, — но оставайтесь в рамках приличий.

— Обещаем, профессор, — отозвался темноволосый с ехидной ухмылкой, которая говорила об обратном.

Всеволод Александрович сделал знак, что пора возвращаться на свои места. Каждый шаг давался с усилием: теперь абсолютно все глаза в зале были устремлены на меня. Хорошо хоть, что Лазаревы шли впереди, не оборачиваясь.

Когда я села, помещение снова наполнилось привычным гулом: кто-то шептался, кто-то переглядывался с удивлени-

ем. На меня косились, но уже не так много. Церемония продолжалась: перед зеркалом расположился уже другой первокурсник, не с нашего факультета.

— Ну и ну, — прошептала Тая мне на ухо. — Отхватила себе таких красавчиков, да еще и двух сразу! Вот почему везет тем, кому это не нужно?

Я удивленно повернулась к ней: произошедшее не казалось мне какой-то особой удачей. Я пока и сама не знала, как к этому относиться. К тому же братья как-то двусмысленно подшучивали надо мной, да и их шарящие по моему телу взгляды тоже доверия не вызывали. Кажется, мне вообще стоило бы держаться от них подальше.

Но, конечно, мне не удалось придерживаться выбранной линии поведения.

Глава 9. Путь домой

Было уже почти десять, когда мы с Таей вышли на улицу, утонувшую в густой вечерней темноте. Лампочки редких фонарей выхватывали из мрака группы студентов, шумно обсуждавших церемонию, и на мгновения освещали наши лица. Ветер тянул за края куртки, пахло мокрым асфальтом.

Мы двинулись в сторону метро вместе с потоком таких же первокурсников. Все еще не верилось, что посвящение закончилось — и что моими менторами оказались те самые парни, которых я видела в реке и отражениях.

Тая шла рядом, потряхивая своими короткими светлыми кудряшками и что-то болтая на ходу, но я едва воспринимала слова — до сих пор не удалось отойти от того, что случилось.

В сознании заезженной пластинкой всплывали одни и те же обрывки: зеркало в актовом зале, расплывшийся рябью мой собственный силуэт, и за ним — еще двое. А потом — наглые фразы и взгляды моих новых кураторов, шепот студентов, приподнятые брови преподавателей — все это крутилось бесконечным каскадом мыслей.

— Адель, ты слушаешь меня? — Тая потрясла меня за плечо, заставив оторваться от своих размышлений.

Я вздрогнула. Остановилась, перевела дыхание.

— Просто... все это... слишком странно, я до сих пор не могу понять, что произошло.

— О, не переживай, ты не одна такая. Никто не верит, что твоими наставниками стали не кто-нибудь, а Лазаревы — да еще и двое сразу. Не то что у меня, — скривилась подруга.

— Ты так говоришь, как будто что-то о них знаешь, — осторожно сказала я.

— Наслушалась обсуждений кругом, — Тая подмигнула. — Ты ведь тоже их слышала?

Как бы не так: пройдя церемонию, я сидела на своем месте, прокручивая в уме слова своих новоиспеченных кураторов и думая о том, как все будет. К каким-то разговорам, если они и были, я уж точно не прислушивалась.

— Не совсем... но мне как-то не совсем... нормально от того, как они ведут себя.

— Только не волнуйся, — начала Таисия. — Но я так поняла, что братья Лазаревы довольно известны в Институте. Вообще, судя по всему, вряд ли они особо заинтересованы в том, чтобы учить тебя чему-то или помогать тебе.

— Да? Это хорошо, — облегченно выдохнула я.

— Но есть и другой вариант развития событий, — огорчила меня подруга.

— В смысле?!

— Ну мало ли... — замялась Тая. — Держи дистанцию и не ведись на их игры. Они могут заставить тебя делать что угодно, если захотят. Не давай им манипулировать собой.

— Какие еще игры, Тай? Как манипулировать? Ты меня пугаешь.

— Да это я так, на всякий случай. В общем, блондина зовут Елисей.

— Красивое имя...

— Ага. Он учится на Факультете искушений и власти. Там, где готовят всех этих будущих дипломатов и политиков. Елисея называют манипулятором высшего класса. Типа он может так заговорить зубы, что ты сам все отдашь ему и еще спасибо скажешь. Не зря у него самая высокая стипендия.

Я удивленно подняла брови. Мало того, что мне достались красавчики — так еще и умные?

— А второй? Кудрявый который.

— Это Гордей. Необычное имя, правда? Он на Факультете страстей и энергии.

— Ему подходит... — вырвалось у меня.

Из головы до сих пор не выходил взгляд Гордея, зацепивший меня сильнее, чем мне того хотелось бы.

— Таких, как он, учат влияниям энергии и том, как ее направлять, как управлять страстями людей. Это серьезная штука. Такой человек может вдохновить на подвиг или свести с ума за пару минут. Говорят, Гордей в этом гений. Стоит ему заговорить, и толпа готова идти за ним хоть в огонь. Такой тип, что к нему тянет, даже если догадываешься, что обожжешься.

— И ты все это успела за вечер услышать и запомнить? — изумилась я.

— Это же самое интересное! — выпучила глаза Тая. —

Меня больше удивляет, как это все прошло мимо тебя, ты же все время была рядом со мной.

Я вздохнула, пытаюсь осознать все это. Столько информации, и все эти детали собирались в какой-то непонятный пазл. Но, наверное, теперь я хотя бы понимала, почему все на них так смотрят.

— В общем, они у нас считаются крутыми?

— Хотя что-то ты уловила, а то идешь, как будто тебя по голове чем-то ударили, — рассмеялась Тая. — Ну да, во-первых, они красавчики. Во-вторых, умеют использовать чужие слабости и желания. И делают это очень умно.

Я подняла взгляд на ночное небо. На меня снизошло ощущение, что я стояла в центре нового мира, о котором не имела ни малейшего представления.

— Слушай, а тебе кто из них понравился больше? — вдруг спросила подруга.

— Не знаю, — почему-то испугалась я. — Никто!

— Конечно, так я и поверила, — беззлобно хохотнула Тая. — Мне Гордей, наверно, ну, темненький. Люблю опасных парней, — облизнула она губы. Потом повернулась ко мне. — Ой, ты не подумай! Я не претендую! Если он тебе нравится...

— Да не нравится он мне!

— Значит, Елисей?

— Я же сказала — никто!

Я ускорила шаг, собираясь убежать от разговора — до

метро оставалось всего ничего. Тая догнала меня, засмеялась и начала оправдываться, что пошутила. Я кивнула, но перед глазами все стояло зеркало и те двое. Они смотрели на меня так, словно были уверены, что я не смогу отвертеться.

А еще возникло четкое понимание: я и впрямь не сумела бы выбрать никого из братьев Лазаревых. И не потому, что мне не понравился ни один из них, а потому, что оба показались мне одинаково привлекательными.

Глава 10. Дым

На следующее утро я проснулась с ощущением, что ночь была короткой, а сон — беспокойным. Мозг, уставший от пережитых переживаний, отказывался работать как следует. Но нельзя было позволить себе расслабиться: сегодня, как и всегда, был загруженный парами день.

И все же, сколько бы я ни пыталась сосредоточиться на занятиях, ловила себя на том, что неосознанно ищу глазами Лазаревых. В толпе в коридоре, за соседними рядами в аудитории, в «Переходе» — всюду казалось, что они вот-вот появятся. Каждый раз, когда это оказывались другие старшекурсники, я тут же ругала себя: зачем вообще думаю о них? Как будто мне мало тех взглядов и слов, что они бросили вчера.

Наставница Таи тоже не спешила с ней связаться, но подруга была рада — она до сих пор не могла отойти от разочарования, что ей не достался какой-нибудь красавчик.

День тянулся, как жевательная резинка. Я честно сидела на лекциях, делала вид, что конспектирую, но в голове все время всплывали мои менторы и их бесцеремонные манеры, от которых бросало в дрожь.

И только когда настала последняя пара, я чуть оживилась: предстояла хоть и нервная, зато живая работа. Практикума в алхимико-артефактной лаборатории большинство ждало с

нетерпением. После нескольких часов теории радовала возможность наконец-то поработать руками и применить уже наконец магию.

На этом предмете мы учились создавать артефакты, внедрять в них заклятия, настраивать энергетические носители и соединять их с физической оболочкой.

Лаборатория представляла собой длинное холодное помещение с рядами рабочих столов. Над каждым нависал сферический защитный купол — прозрачный, но прочный, снабженный системой блокировки внезапных всплесков энергии. Эти магические колпаки мгновенно нейтрализовали энергопотоки, если что-то шло не так.

Как и на всех практиках с потенциально опасными материалами, здесь требовалось соблюдать строгие меры безопасности — например, надевать перчатки из специального волокна, предотвращающего повреждения и ожоги.

Преподаватель лаборатории Владислав Аркадьевич Симонов был худощавым высоким мужчиной в возрасте с прямой осанкой и пепельно-седыми волосами.

Он имел привычку говорить тихим, слегка приглушенным голосом, словно разговаривая с самим собой. Не знаю, как другим, а мне приходилось прислушиваться и напрягаться, чтобы улавливать его слова.

Пара началась с его ворчания:

— Все в сборе? Слава зеркалам. Категорически запрещено трогать компоненты голыми руками. Нельзя активиро-

вать артефакты без четкого сигнала.

В прошлый раз он тоже начал занятие с предупреждений, но это не слишком помогло.

— А что ты делаешь, напомни? — тихо поинтересовалась я у подруги.

— Я попробую вшить блок подавления в браслет, — Тая уселась за соседний стол и доставая заготовку. — Если получится, он будет приглушать панические выбросы энергии. Типа магический антистресс.

— Это ты себе? — уточнила я, надевая перчатки.

— А кому еще? — пожала плечами Таисия.

— Ты вроде не особо нервная, — поддела ее я.

Вот уж кому такой браслет не помешал бы, так это мне — а Тая, как я уже успела понять, отличалась умением легко относиться к сложностям. Но я уже выбрала поглощение тепла: хотела смастерить кулон, который охлаждает в жару. Не самая полезная штука для Питера, тем более в начале осеннего сезона, но жаркие дни тут все же бывали — и тогда дышать было практически нечем.

Я взяла заготовку, выполненную на прошлой паре — небольшой стеклянный шар, покрытый тонкой гравировкой символов. Шарик уже прошел термическую обработку и предварительное запитывание. Необходимо было аккуратно «вшить» заклинание охлаждения, направляя энергию строго по внутреннему контуру.

Еще на первой паре Владислав Аркадьевич поведал нам,

что весь год мы будем тренироваться на таких элементарных вещах, чтобы в будущем уметь изготавливать более сложные предметы. Например, стабилизаторы перехода, артефакты заземления при перегрузке, амулеты навигации по многослойным мирам или, скажем, подвески, усиливающие чары внушения и позволяющие на короткое время завладеть вниманием собеседника. Но пока — только крохотное изделие с примитивной функцией.

Я попыталась сосредоточиться на предстоящей работе, но где-то на заднем плане все равно продолжала крутиться мысль о Лазаревых. Их вчерашнее поведение не выходило из головы. Скрывался ли за их показной манерой общения какой-то подтекст? Что они имели в виду, произнося те двусмысленные и непристойные фразы? Просто болтали, или намекали на что-то? И почему меня это волновало?

Сидя перед готовым артефактом, который нужно было зарядить заклинанием, я подумала: а вдруг именно сейчас проявится еще подобное тому, что случилось со мной в последние несколько дней? Стало страшновато, но отступать было некуда.

Стоило прикоснуться к магической матрице, как кулон едва заметно дрогнул, не желая принимать импульс. В нем ощущалось постороннее сопротивление, будто он уже содержал другую, скрытую энергию.

В шаре вспыхнул слабый голубоватый огонек, раздался легкий треск — и в следующий миг изделие потемнело. То-

ленькая трещина побежала снизу вверх, и из нее повалил густой черный дым, быстро заполняя пространство капсулы. Плотный, тяжелый, пахнувший гарью и жженым стеклом, он выходил наружу со скоростью света.

Колпак не сработал — или не захотел: не возникло ни вспышки подавления, ни характерного гудения. Сердце оборвалось в груди, я нажала красную кнопку на приборной панели.

Дым заколебался, собрался в дрожащий сгусток. В следующее мгновение его всосало в невидимую точку внутри купола — беззвучно, но ощутимо. Осталась лишь едкая вонь гари и серый налет сажи на стеклах. А еще через секунду не стало и их.

На миг я представила, как бы отреагировали мои новые кураторы. Елисей наверняка бы язвительно прокомментировал происшествие, а Гордей зыркнул на меня так, будто я нарочно все испортила — да еще поди и обозвал бы как-нибудь. Меня разозлили эти мысли: мало того, что я весь день думала о братьях, так даже теперь они умудрились занять мой ум.

Я украдкой кинула взгляд на соседний столик — Тая уже активировала браслет, на ее лице царило полное спокойствие. Кто-то из одnogруппников медитативно заплетал символ в кулон. А у меня снова все пошло не так.

— Литвинова! — вкрадчивый голос Владислава Аркадьевича ворвался в сознание так некстати, что заставил меня

вздогнуть и чуть ли не закричать.

Однокурсники поглядывали на меня — кто с легкой усмешкой, кто с сочувствующим выражением лица. Очевидно, многие узрели инцидент, произошедший в моем колпаке.

— Надеюсь, вы не перепутаете схему подключения закли-
нания, — продолжил преподаватель. — Иначе получите ды-
мовую завесу вместо охлаждения.

Неужели он увидел? Пара человек хихикнули. Я вынудила себя улыбнуться — будто это действительно было забавно, а не ужасно неловко.

— Обязательно проверю настройки, — пообещала я.

Больше Симонов ничего не сказал. Должно быть, сделал вид, что не заметил, закрыл глаза на происшествие. На этот раз почти пронесло.

Несколько секунд я просидела, уставившись в никуда. Дым исчез, словно ничего и не произошло, но на душе сохранилось неприятное чувство оцепенения.

Купол вновь стал прозрачным, а шарик неподвижно лежал на подставке. Перчатки выглядели целыми. Вдохнув и выдохнув, я постаралась сосредоточиться: артефакт все еще не умел охлаждать, и нужно было решить проблему.

— Задумалась о своих наставниках? — пошутила Таисия, когда пара завершилась, и мы складывали оборудование.

Я ощутила, как кровь прилила к лицу.

— Больно надо, — пробормотала я, пряча глаза. — Просто устала.

— «Просто» ничего не бывает, — категорично заявила Тая, скрещивая руки на груди. — В пятницу река прошлого, потом отражение в кафе, сегодня дым. Иногда, если не следить за своим ментальным состоянием, начинают проявляться вещи, о которых ты даже не подозреваешь. Seriously, Адель, это не игрушки.

Я молча кивнула, а перед моим внутренним взором стояли образы моих менторов, не сводящих с меня глаз. Глупое сердце не замолкало ни на минуту, а мыслей, напротив, не было — только картинки, о которых я не осмелилась бы никому рассказать.

Глава 11. Разговоры в столовой

— И когда у нас уже будут пары по профилю? — про-
стонала Тая, взглядываясь в тарелку с густым крем-супом из
тыквы.

Не знаю, что она собиралась там разглядеть, но, на мой
взгляд, суп выглядел сомнительно. Как и большинство блюд
«Перехода».

Я откусила кусочек пирожка с чечевицей:

— Ты имеешь в виду чары, иллюзии, вот это все?

— Ну да! — она поддела вилкой запеченный баклажан,
все же отставив суп в сторону. — А у нас почти все про эти
зеркала.

— А мне интересно, — призналась я.

— Да я не сомневалась, — фыркнула подруга. — Как те-
бя вообще зачислили к нам? Тебе бы больше подошел Фа-
культет легенд искушений. Там как раз изучают теорию та-
кие ботаны, как ты.

Она беззлобно рассмеялась, показывая, что это шутка, да
я не думала обижаться. Мне и самой казалось странным, что
меня определили именно сюда. Очарование и иллюзии —
звучало так, будто туда должны попадать легкие и обаятель-
ные люди, умеющие сверкнуть улыбкой и увлечь за собой.
Такие, как Тая: яркие, живые, с особым чутьем на внимание
извне.

Я же никогда не умела играть чужими эмоциями. Слова застревали в горле в неподходящий момент, флирт представлялся чем-то инородным. Умение очаровывать требовало смелости — способности показать себя, а не спрятаться.

И все же меня почему-то распределили именно сюда. Что-то Институт во мне увидел, чего я пока не понимала. Может, Факультет должен был раскрыть во мне то, что спрятано где-то глубоко внутри.

— Я надеялась, мы будем учиться направлять внимание, создавать образы, заставлять людей верить словам и картинкам, — рассуждала Таисия. — Вот это настоящее искусство!

Вершиной мастерства студентов нашего Факультета считалось умением влиять на восприятие, управлять чувствами и мыслями других. Но преподаватели утверждали, что без зеркал это все равно что строить дом без фундамента. Через отражения мы учились видеть слабые места и находить способы их зацепить. Нам говорили, что иллюзиям еще предстоит обстоятельно вписаться в расписание — но позже.

— Это впереди, — постаралась я успокоить подругу.

— Так и до выпуска можно в зеркала играть, — буркнула Тая напоследок и отхлебнула травяной настой, покончив с баклажанами.

Вокруг стоял привычный гомон голосов — я почти не обращала на него внимания. Но вдруг за соседним столом кто-то заговорил особенно возбужденно, и я случайно услышала пару фраз:

— Да, в шесть в архиве. Только без опозданий.

— А кто собирает?

— Якунин. Ну, помнишь, такой странный типок?

— Это который с Факультета теней и соблазнов?

— Ага. Говорит, нашел зеркальный ход туда, где проверяют стойкость к искушениям. Если не выдержишь — застрянешь там надолго. Представляете?!

Я переглянулась с Таей. Та усмехнулась:

— Видать, снова кто-то решил организовать секретный клуб.

— Очередное «Общество тайных поэтов», — поддержала я ее.

Такую беседу нам довелось подслушать впервые, но мы были наслышаны о том, что подобное случалось регулярно. Стоило кому-то из старших загореться идеей «более глубокой» или «истинной» магии — тут же возникал неформальный кружок. Продолжалось это не дольше пары недель, пока руководство не прикрывало лавочку.

Особенной популярностью пользовался архив. Формально — библиотечное подразделение, где хранились старинные материалы. На деле — затхлое пространство с устаревшими томами, чертежами зеркал, протоколами экспериментов и брошенными записями о сбоях. Все, что когда-то признали ненужным, опасным или нерезультативным, оседало здесь.

В архив преподы заходили по острой необходимости и ни-

когда не задерживались. После шести вечера кабинет считался закрытым, но для галочки. Все знали, что карточки доступа продолжают работать.

А главное, там не функционировала система мониторинга активности. Если ты не приносил с собой артефакт с активным фоном, тебя никто и ничто не могло зафиксировать.

Мы были там всего раз — на экскурсии для первокурсников. Нас провели по основным секциям, показали витрины с протоколами нестабильных порталов, таблички с именами экспериментаторов, тускло отсвечивающие зеркала.

С тех пор я в архив не заглядывала. Не было ни нужды, ни желания — нам туда пока было рано. Мы только осваивали базовые понятия и примитивные конструкторы, а не занимались расшифровкой многослойных аномалий.

Однако, как выяснилось, поводы посетить архив были разными.

— Интересно, какой конкретно старшекурсник, — мечтательно протянула Таисия.

— А что? Хочешь пойти?

— Да нет, наверно. Но если симпатичный, — ухмыльнулась она, — может, и проскользну. Чисто для науки, так скажем.

Я не была уверена, шутит она или нет. С Таей оба варианта были возможны.

Было пора уходить на пару по боевым применениям очарования. Мы собрали подносы, отнесли их на место и напра-

вились к выходу. Я по привычке бросила на себя взгляд в зеркало у двери — оно было наименее пыльным.

Все было как обычно. Однако на миг мне почудилось, что за спиной снова мелькнули две фигуры: это были братья, мои наставники — которых я, кстати, не видела в Институте и сегодня, безуспешно стараясь не шарить глазами по сторонам.

Я резко остановилась.

— Адель? — окликнула Тая.

Я моргнула — в зеркале отображалась одна я. Никаких тебе Лазаревых — видимо, я совсем на них помешалась.

— Показалось, — прошептала я и быстрым шагом вышла вслед за подругой.

Глава 12. Метро

После пар мне хотелось как можно скорее выбраться на улицу. Было ощущение, что Институт меня вымотал — физически, ментально, энергетически. Словно за день мне прокрутили голову в стиральной машине: мысли путались и шумели. Даже шагать получалось как-то рассеянно: тело шло вперед, а сознание плелось следом.

А все потому, что последней парой была практика по основам чарующей речи. Мы должны были удерживать внимание собеседника, не прибегая к магии напрямую, а настраивая голос, тембр, паузы. Сначала это казалось игрой — театральной импровизацией. Но к концу у меня болела гортань, а в висках пульсировало. Из меня выкачали энергию, и теперь я разговаривала с миром в долг.

— Я, наверное, останусь, — вдруг сказала Тая, когда мы зашагали по улице. — Провожу тебя до метро — и обратно.

— В смысле? Зачем?

— Я нашла пятикурсника, который организует ту сходку в архиве. Ну, Влад Якунин. Видела его?

— Неа, — меня мало интересовали старшекурсники. Почти все — кроме двух братьев.

— Я нашла его в соцсети. Умный, судя по тому, что я прочла. И... ну, ты сама понимаешь.

— Красивый, — закончила я с усмешкой. Как я уже по-

няля, у Таисии была слабость на симпатичные мордашки.

— Еще он такой уверенный... Притягивает прямо. И... я хочу посмотреть, что они там делают.

Я улыбнулась, но внутри почувствовала укол: странно было слышать, что кого-то так тянет к чужой силе, тем более по фотографии. Наверное, я завидовала ее легкости — Тая могла заинтересоваться кем угодно, а я будто жила за стеклом: наблюдала, но не прикасалась.

К тому же я всегда держалась от плохих парней в стороне. Хотя, если честно, и от хороших тоже. Еще и поэтому для меня так непривычно было осознать, что Елисей и Гордей никак не выходят из моей головы.

— Ты точно хочешь влезть в это? — осторожно поинтересовалась я.

— Пока послушаю, о чем будет речь. Не знаю, пустят ли меня. Но интересно, жуть!

Я промолчала. В качестве необычных ощущений мне хватило видения в реке прошлого и отражений в зеркалах — не хватало еще поддаться какому-то непонятному искушению.

— Тебе не предлагаю, в курсе, что не захочешь, — добавила Таисия.

Это да. Несмотря на последние несколько дней, я все же не особо любила всякие там авантюры и мечтала поскорее оказаться дома: переодеться в удобное и залипнуть в «Сплетницу» с чашкой молочного улуна. Ехать было всего ничего, и я уже предвкушала, как осуществлю задуманное.

Правда, предстояло выполнить домашку по предмету «Иллюзорные структуры и ментальные проекции». Заданием была тренировка распознавания. В специальной VR-среде нужно было определить, какие из отражений настоящие, а какие — сдвинутые, искаженные или ложные. Они могли отставать во времени, моргать не в такт, менять ракурс. Иногда подставлялись чужие образы. Ошибка — минус баллы. Три промаха — перезапуск всей сессии.

Якобы это тренировало чувствительность к магическому искажению восприятия. Я же подозревала, что еще и убивает нервную систему.

И вот вопрос: после всего, что я уже видела, как можно было отличить фальшивое отражение от реального? Если даже реальность начала себя вести как иллюзия.

Но об этом я предпочла пока не думать — в конце концов, вечер был длинным.

Мы двигались с Таей вдоль витрин, и изредка я посматривала на наши размытые силуэты: ее — тонкий, с короткими упругими светлыми кудряшками. И мой — вытянутый, темный, с копной волос ниже плеч. В зеркале мы смотрелись противоположностями. Я снова подумала: что же увидели во мне, когда отправили на факультет очарования?

Все вокруг выглядело как всегда. И все же этот осенний Петербург был тонкой пленкой на поверхности, а под ней скрывался другой — тусклый, зыбкий, который начинал просачиваться наружу.

Хотя это я себя поди уже накручивала.

Мы дошли до метро, и Тая повернула обратно, а я вошла внутрь. Спустилась по эскалатору. В вагоне сначала достала мобильный, но почти сразу уставилась на отражения. Люди были смазанными, вибрирующими в ритме поезда. Я старалась не рассматривать их, только скользила боковым зрением.

И вдруг в стекле мелькнули фигуры. Сердце толкнулось в грудь: это были братья. Они стояли рядом, как всегда, и смотрели прямо на меня. На миг почудилось, что они вот-вот шагнут из прозрачной глади — настолько реальным было увиденное. Даже поезд в эти секунды ехал для нас троих, а остальные пассажиры были декорацией.

Я резко обернулась.

Никаких Лазаревых, конечно. Пара незнакомых парней: один с растрепанными каштановыми волосами, другой блондин, в капюшоне.

— О, а ты та самая... чаровница? — спросил темноволосый, похабно при этом подмигнув.

Я замерла и сразу же отвела глаза, ничего не ответив. Любый ответ подтвердил бы, что это действительно я — студентка Института чар и зеркал. Хотя слов не требовалось, ведь на мне был этот злосчастный бомбер. Парни переглянулись между собой, усмехнулись, но, к счастью, больше ничего не добавили.

Поезд дернулся, двери открылись, и люди ринулись нару-

жу. Это была «Площадь Александра Невского» — мне оставалось проехать еще одну станцию, но я не стала дожидаться: парни все еще периодически поглядывали на меня.

На платформе былолюдно. Все проходили мимо, спешили к переходу, и я ощутила себя попусту выброшенной из общего потока — как рыба на берег. Все знали, куда им идти, лишь я застыла посреди станции в полном недоумении, что делать дальше. Вернуться в вагон? Дождаться следующего? Я направилась к выходу — сама не понимая, зачем.

Увидев знакомые улицы, мост, торговый центр, я успокоилась. Подошла к зеркальной поверхности ТЦ, зацепила взглядом свое отражение. Бледное, но в целом ничего особенного.

Приглядевшись, заметила, что кто-то находится за моей спиной. Я оглянулась, вскрикнув от неожиданности.

Позади меня стоял Гордей.

Глава 13. Гордей

Так странно было встретить кого-то из Института тут, совсем в другой части города — да и не просто кого-то, а одного из братьев. От неожиданности я не сразу поняла, кто передо мной, но все же это был Гордей: одетый в кожаную косуху и черные рваные джинсы, с небрежно растрепанными волосами и завораживающими татуировками на шее — неприлично красивый.

— Чего кричишь? — изогнул бровь мой наставник. Было непонятно, узнал ли он меня.

— Прости, — пробормотала я. — Я просто... — выглядел мой лепет очень убого, но я настолько растерялась, что это был мой максимум.

— Что просто? — он усмехнулся. — Просто скучала по мне?

Я растерянно заморгала.

— Что?! Нет! — мой голос дрогнул.

Что он себе надумал? Или это мой неуверенный тон дал повод полагать, что я запала на него?

— Ага, — протянул Гордей. Сделал шаг ближе, и воздух вокруг будто стал плотнее, наэлектризованнее. — А может, ты специально караулила меня? Стоишь тут, делаешь вид, что разглядываешь витрины, а сама меня поджидаешь. Совпадение? Не думаю.

— Я... — слова снова предательски застряли в горле.

— Чего молчишь? — старшекурсник ухмыльнулся. — Разве вас там на вашем Факультете не учат, как жонглировать словами, обольщать? Или ты сегодня решила поиграть в скромницу?

От его голоса по спине побежали мурашки. А еще куртка Гордея пахла кожей, дорогим табаком и чем-то теплым и пряным. Я боялась вдохнуть глубже, чтобы не выдать, что мне нравится этот запах.

— Я не играю, — выдавила я, но прозвучало это крайне неубедительно.

— Бля, это ты такая настоящая? — он ехидно прищурился. — Так даже интереснее.

Разговор получался слишком странным. Одно я уяснила: Гордей помнит, на каком я Факультете, и, скорее всего, все же узнал меня.

— Ты... живешь тут? — сменила я тему.

Хотя, наверное, стоило повернуться и отправиться домой, но пристальный нахальный взгляд пригвоздил меня к асфальту, не давая сдвинуться с места.

— Ага. Мне до дома минут десять, — он указал куда-то в сторону набережной. — А ты тоже где-то здесь?

— Я на «Ломоносовской», вышла раньше, — призналась я. — Теперь на трамвае доеду.

— Трамвай? — Гордей скривился, будто я собиралась идти пешком по шпалам куда-то в Ленинградскую область. —

Серьезно? Забей. Я как раз жду такси, докину тебя. Не обеднею.

— Не надо, — я испуганно замотала головой. Возможность остаться с этим парнем наедине отчего-то пугала до ужаса. Внутри что-то сладостно сжималось при одной мысли об этом. — Я сама доберусь!

— Ха, — фыркнул он. — Ты думаешь, у тебя есть выбор? Смешная ты, детка.

Мы замерли в ожидании: проявлять истеричность и сбегать в направлении остановки мне после такого диалога показалось глупым. Гордей поглядывал по сторонам, а я украдкой на него. А затем зачем-то ляпнула:

— А почему вы с братом не ходите в Институт?

И сразу же прикусила язык. Вот что мне не следовало спрашивать. Мало ли, почему они не ходят туда! И вообще — может, я их просто не заметила там. А теперь продемонстрировала свою осведомленность и обеспокоенность тем фактом, что Лазаревых нет на учебе. Ну и дура!

— О как, — Гордей повернулся и заинтересованно окинул меня с ног до головы. — Следишь за нашими расписаниями?

— О боже, нет, конечно, — выпучила я глаза. — Просто... не встречала вас.

— Значит, все-таки соскучилась? — подмигнул мне парень.

Я застыла, не зная, что ответить. Шутить на ходу я не умела, снова отнекиваться тоже было бы несуразно.

— Знаешь, — вдруг продолжил он, — я сейчас понял одну вещь. Не буду говорить за Лиса, но у меня точно возникла причина заглядывать в Институт почаще.

Он имел в виду... меня? Или что-то другое? За эти короткие секунды я попыталась убедить себя, что второе, но сердце все равно ухнуло куда-то вниз, а кровь прилила к лицу так, что, кажется, вспыхнула даже шея.

— Лиса? — вроде бы я сумела сохранить самообладание и в тему задать вопрос.

— Ну, брата моего, Елисея. Обычно его так зовут.

— А тебя?

— Гордей — и никак больше. Как тебя, напомни?

Он не запомнил моего имени! Удивительно, что лицо задержалось в памяти.

— Я Адель.

В этот момент возле нас остановилась бежевая машина — огромная и, наверное, дорогая. Гордей, не дожидаясь моего окончательного согласия поехать с ним, открыл дверь и жестом пригласил внутрь. Его пронзительный взгляд словно парализовал волю к сопротивлению. Я забралась в авто, дверца за мной захлопнулась, и я тут же вжалась в угол, надеясь как-нибудь пересидеть эту поездку.

Но Гордей, вопреки моим ожиданиям, устроился не спереди, а рядом — чересчур близко, чтобы я оставалась спокойной. Однако двигаться мне было уже некуда — дальше была дверь автомобиля, плавно набиравшего ход.

— Нам по дороге еще кое-куда нужно заскочить, — лениво обратился к водителю мой наставник, закидывая руку на спинку сиденья, так что его пальцы почти касались моего плеча. — Тебе куда, Адель? — он повернул голову, и его взгляд обжег мою щеку.

— Мне к Музею Императорского фарфорового завода, — пискнула я.

— Девушку к Музею Императорского фарфорового завода закиньте сначала, пожалуйста, — громко повторил мои слова Гордей.

Водитель, явно недовольный внезапными изменениями, молча кивнул и перестроил маршрут.

— Ну что, гораздо приятнее, чем толкаться в трамвае, не так ли? — пятикурсник придвинулся ко мне еще ближе, и я бесповоротно забыла, как дышать. — К тому же у меня появился шанс провести время с такой... скромницей.

Я напряглась, но промолчала. Да и что я могла сказать? Оставалось молиться, чтобы мы как можно скорее оказались в моих родных краях.

— Что, слова опять закончились? — Гордей опустил руку чуть ниже, и его пальцы коснулись моего плеча. Хорошо, что в одежде — иначе бы он неминуемо ощутил мурашки, покрывавшие мою кожу с самого начала этой поездки.

— Прекрати, пожалуйста, — вырвалось у меня, но парень хищно улыбнулся.

— Что прекратить?

— Вот это все.

— А то что?

Его уверенность сводила с ума. На миг мне показалось, что Гордей затормозит и просто рассмеется. Но нет — он склонился ближе, жарко выдохнув мне в ухо, и тут же я закричала:

— Остановите! Мне срочно нужно выйти!

Тот дернулся, сбитый с толку. Машина резко прижалась к обочине. Я распахнула дверцу и выскочила наружу, не обернувшись, — только слыша хохот Гордея в спину.

До дома было еще полчаса пешком, но мне было все равно. Главное — оказаться подальше от этого наглого оболстителя и его ухмылки. Жаль, нельзя было оказаться подальше от самой себя, застигнутой врасплох его опасным обаянием.

Глава 14. Откровения

Следующий день начался на удивление неплохо. Никаких стычек с родителями, неясных снов или отражений — все было как обычно. Как и должно было быть.

Зато необычное произошло в Институте. Когда я подошла к аудитории, у окна, поясницей опираясь о подоконник, уже стояла Тая. Подруга выглядела не как всегда. Она ни с кем не разговаривала, только таинственно и снисходительно по-сматривала на окружающих. А еще странно улыбалась, как будто знала что-то очень важное, о чем остальные еще не догадывались.

— Ты чего такая? — встала я рядом.

Тая только хихикнула, наслаждаясь собственной загадочностью. Она ни за что не планировала раскрывать тайну просто так.

— Ну, говори уже! — Таисия любила немного напустить туману, чтобы ее пришлось поугovarивать.

Вообще, я и так подозревала, в чем дело. Этот ее многозначительный вид явно был связан со старшекурсником — похоже, подруге удалось проникнуть в архив и полюбоваться на этого красавчика.

— Скажу на обеде, — я хотела было поинтересоваться, когда же Тая успела научиться так долго держать интригу, но в этот момент началась пара.

В отличие от некоторых других предметов, лекции по энергодинамике мага и структуре тонких тел были действительно увлекательными. Этот теоретический курс открывал сложное устройство магической энергии: мы разбирали потоки и узлы, учились отслеживать их искажения, исследовали взаимодействие между различными уровнями тонких тел. Здесь же говорили о факторах энергетических сбоев и опасности разрушения внутренних связей.

Пара промчалась быстро, как и следующая — психология магии, на этот раз лекция. Наконец наступил обед, на котором подруга должна была поделиться со мной причиной своего загадочного поведения.

«Переход» сегодня порадовал: в наличии были прекрасные сырники. Пока что это было единственное блюдо, которое нам с Таем понравилось в столовой.

Однако на этот раз Таисия не спешила притрагиваться к тарелке — только сидела, вертя кружку с чаем и таинственно улыбаясь. «Переход» шумел: гремели подносы, голоса преподавателей и студентов сливались в одно. Но за нашим столиком этот гам будто растворялся: чересчур уже безмятежной была улыбка подруги.

— Ну? — скрестила я руки. — Ты же обещала рассказать... что-то.

Тая хмыкнула, явно дразня меня.

— В общем... вчера у меня получилось попасть на встречу.

— И тебя не выгнали? — удивилась я, хотя было ясно, что Тая своего не упустит.

— Почти выгнали, — фыркнула она. — Собирались выставить меня за дверь — больше никого из первокурсников не было. Но я сказала, что ищу учебные материалы для личной научной работы.

Меньше всего Тая была похожа на заучку.

— И что, они просто продолжили разговор при тебе? — не унималась я. — Даже не пытались проверить, зачем ты там?

— Я была убедительна, — пожала плечами подруга. — Оставили — посчитали безвредной. Пришлось ковыряться в этих бумагах. Чего там только не было!

Видимо, старшекурсники рассудили, что первокурсница все равно ничего не поймет, и опасности для этого собрания она никакой не несет.

— И много там было народу?

Не сказать, чтобы мне очень уж было любопытно это собрание — но я там ни разу не была, так что можно было бы и послушать.

— Неа. Все старшие, и все мне незнакомы.

— Страшно не было? — я представила себя на месте Таи. Зловещий темный архив и куча старшекурсников, возмнивших себя первооткрывателями...

— Немного, — призналась Тая. — Но так интересно!

— А ты что, слушала, что они обсуждали?

— Не особо, — она повела плечами. — Там все какое-то сложное: какие-то переходы, миры, искушения... Не вникала.

Я сразу поняла, почему.

— Все время залипала на того пятикурсника, да? Который организовал сходку?

Тая вспыхнула, но тут же дерзко усмехнулась:

— А что? Не могу полюбоваться?

Смущенная вопросом в лоб, я схватила за чашку с чаем:

— Да нет, можешь, конечно...

— Сама-то вон, на церемонии глаз не могла отвести!

— Что? От кого?! — от внезапных нападков я аж растерялась и не сразу поняла, о чем речь.

— От наставников своих! Кстати, один из них сейчас на тебя пялится. Не оборачивайся!

— Гордей здесь? — выпалила я, не подумав, и рефлекторно оглянулась, нечаянно нарушив просьбу Таи.

Через пару столиков от меня сидел... Елисей. Он и вправду не сводил с меня глаз — внимательных, холодных изучающих. Я резко обернулась обратно и уставилась в тарелку с оставшимся сырником. Сердце колотилось как бешеное, губы пересохли, а лицо наверняка покраснело. Понимать бы еще, почему.

— Гордей? — хохотнула Таисия, возвращаясь в свое привычное состояние. — На воре и шапка горит, так говорится? Так, значит, все-таки тебе нравится Гордей?

— Никто мне не нравится! — взвилась я, вспомнив нашу вчерашнюю случайную встречу.

О ней я Таисии не рассказывала просто потому, что ничего особенного не произошло. Не хотелось бы, чтобы подруга решила, что я придаю слишком большое значение какой-то поездке на такси. Зато теперь глупо проговорила, не успев отследить, как у меня изо рта вылетело имя Гордея.

— Ну ладно, ладно, — примирительно подняла руки вверх Тая. — Слышала, что его называют не Елисей, а Лис?

— Ага, — неопределенно буркнула я, ковыряя вилкой сырник. — Так ты... Ты что, влюбилась в этого лидера тайного общества?

— А если да? — ответила Тая неожиданно спокойно и посмотрела прямо мне в глаза. А затем ее лицо осветила широкая улыбка.

— Ты... осторожнее там, — зачем-то пробормотала я. Хотя подруга вроде бы знала, что делает, в отличие от меня.

Таисия, позабыв недавнюю словесную перепалку, сияла, словно выиграла приз. И от этого у меня в груди зародилось тревожное чувство — вроде бы радоваться за подругу надо, а на деле было странно тяжело. Но дело было, конечно, во всем не в Тае и ее старшекурснике — виной всему был взгляд Елисея, разъедающий мне спину.

— Ой! — вдруг пискнула Таисия. — Этот Лис идет сюда!

Глава 15. Приглашения

Я не успела толком уловить, зачем Тая упомянула Лиса, как он уже оказался рядом. Шум столовой будто сместился куда-то на задний план: пространство сузилось до высокого силуэта с непроницаемым выражением лица.

На Елисее были светло-голубая рубашка и классический серый жилет, подчеркивающий прямую осанку. Среди десятков студентов он смотрелся так, словно случайно попал в суетливое помещение из какого-то совсем иного мира — более строгого и упорядоченного.

Лис остановился напротив нас, и мне даже показалось, что гул голосов вокруг стих. Может, я просто слишком остро воспринимала этот момент, но под пронизывающим взглядом его голубых глаз воздух будто превращался в колючий иней, оседая на коже ледяными кристаллами.

Тая оцепенела с приподнятой вилкой, а я схватилась за кружку, будто в ней можно было найти хоть укрытие.

— Итак, — проговорил Елисей так, будто продолжал прерванную беседу. Сказал он это спокойно, но с такой интонацией, что возразить или притвориться, что не расслышала, было невозможно. — Нам нужно обсудить, что делать с тобой дальше.

Я растерянно кивнула, и чай в кружке дрогнул, расплескавшись на блюде. Он говорил ровно и без намека на раз-

дражение, но в этих словах угадывался приказ, не оставляющий возможности как-то отвертеться.

— Я буду ждать тебя после пар в вестибюле, — отрезал Лис таким тоном, будто заранее предполагал, что я рискну воспротивиться, и сразу обрезал любые попытки. — Посмотрим, что из тебя вообще выйдет.

У меня пересохло во рту, и я пискнула первое, что пришло в голову:

— А Гордей?

Имя само сорвалось с языка, и, когда оно прозвучало вслух, я осознала, как это было нелепо.

— Его сегодня нет в Институте, — отрезал Лис. — Справимся вдвоем.

Я ощущала себя загнанной в угол, хотя он и не произнес ничего по-настоящему угрожающего. Просто этот ледяной взгляд, невозмутимый и чужой, пробирал до костей.

— Поняла, — выдавила я, уставившись в кристальную голубизну его глаз и чувствуя, как предательский румянец заливает лицо.

Он коротко кивнул, а после развернулся и ушел так же размеренно, как подошел. Даже спиной Лис казался тревожно собранным, и в этой отточенной четкости сквозила сила. На мгновение я подумала, что, может быть, все это мне почудилось — его пронзительный взгляд, гулкая тишина, холод в груди. Но Тая, отмерев, выдохнула так шумно, что сразу стало ясно: нет, мне это вовсе не померещилось.

— Вот это да... — прошептала она. — Ты видела, как он на тебя смотрел?

— Как? — машинально повторила я, все еще смотря вслед Елисею, которого уже не было видно.

Гомон столовой снова вернулся. Я подцепила вилкой последний сырник, который уже безбожно остыл, а Тая тем временем едва сдерживалась, буквально подпрыгивая на стуле от переполнявших ее эмоций.

— Не отрываясь! И как подошел! Прямо через весь зал... Как в кино! Все же смотрели! — она шептала, но от восторга голос все равно прорывался на полтона выше. — Мне кажется, даже преподаватели заметили.

Я покраснела еще сильнее и поспешно встала из-за стола: — Пойдем, а то опоздаем.

Тая тут же вскочила, закинула сумку на плечо и, как только мы вышли в коридор, снова завелась:

— Без Гордея! Интересно, почему? Они так договорились? Может, будут тебя по очереди... наставлять? Как думаешь, о чем он скажет после пар?

— Да наверняка ничего такого, — я ускорила шаг, надеясь, что длинный коридор хоть немного остудит ее пыл. — Ну, подскажет, наверно, на какие предметы обратить внимание. Что он еще может мне сказать? Мы даже на разных факультетах.

— Ну да, в принципе, — протянула Тая, но тут же захлопала ресницами и добавила: — Но все равно! Это ведь Лис!

И он сам заговорил с тобой — в столовой, на глазах у всех!

Я пожала плечами, стараясь делать вид, что меня это не задевает, хотя внутри все трепетало. Неужели его поведение действительно было чем-то из ряда вон выходящим?

Тая, не замечая моего состояния, продолжала щебетать:

— Ты представь: все теперь будут гадать, что он хотел. Будут думать, что у тебя с ним какая-то особая связь. Это же такой повод для слухов!

— Вот этого мне еще и не хватало, — скривилась я. — Да и вообще, что за бред? Весь актовый зал видел, каких кураторов отобразило зеркало, так что в поступке Елисея не было ничего особенного. Мне кажется, ты замечталась.

Подруга прыснула со смеху и приобняла меня:

— Да ладно тебе. Просто... это было так эффектно!

Между тем мы подошли к аудитории, и Тая вдруг застыла на месте, а через миг, видать, решившись, обратилась к какому-то парню, стоящему неподалеку в компании однокурсников:

— Влад, привет!

Парень, с которым она поздоровалась, судя по всему, был тот старшекурсник, что организовал сходку. Темные волосы, стянутые в хвостик, черные брюки и рубашка, огромный крест на шее. Но больше всего меня поразили его глаза — они источали такую гнетущую силу, что невольно перехватывало дыхание. Таисия же будто не замечала всего этого — ее лицо светилось неподдельной радостью.

Влад повернул голову, медленно поднял бровь. Его друзья замолкли, оглядывая Таю, а заодно и меня. Все это молча.

— Я... хотела спросить... — Тая запнулась, но потом сделала быстрый глубокий вдох и выпалила. — Можно ли мне присоединиться к вашим собраниям в архиве?

Я была в шоке не меньше, чем все, кто слышал вопрос. Попроситься к этому устрашающему Владу — да еще и при всех, тогда как собрания явно были тайными. У Таи вообще отсутствовали тормоза.

— Хуя себе... — буркнул кто-то из друзей старшекурсника.

Сам же Влад, на удивление, не послал мою подругу сразу — лишь вперился в нее своими черными глазами. В его взгляде не было открытой враждебности, но и тепла там не нашлось. Только прицельная внимательность, от которой становилось не по себе. Это были не безразличные глаза Елисея, совсем другие — тяжелые и пугающие. Почему-то мною это ощущалось именно так.

— Архив — не место для любопытных, — проронил Влад.

Однокурсники за его спиной переглянулись: один из них хмыкнул, другой чуть скривил губы. Но было очевидно: они ждут, что скажет и решит Влад, будучи готовыми подстроиться под его реакцию.

Тая не смутилась. Наоборот — ее глаза сверкнули, улыбка стала ярче.

— Я не из простого любопытства, — уверенно ответила

она. — Мне правда интересно.

Я судорожно сцепила пальцы. Стоило бы остановить по-другу — она явно не понимала, во что лезла. Но мой язык будто прилип к небу.

Влад не сводил с нее взора. Секунды тянулись мучительно долго. Те, кто проходил мимо, притормаживали, чтобы краем уха подслушать, чем закончится эта дерзкая попытка.

— Смело, — изрек он наконец. — Ладно. Тебе сообщат о встрече.

— Спасибо! — Тая засияла так, что мне захотелось прикрыть глаза рукой.

Влад чуть дернул уголком губ — не то в усмешке, не то в насмешке. Затем отвернулся, давая понять, что разговор закончен. Его друзья тоже перестали смотреть на меня и Таю, словно нас вообще не существовало.

Таисия же повернулась ко мне и зашептала, задыхаясь от восторга:

— Ты слышала? Меня пригласили!

Я кивнула, но внутри у меня все замерло от какого-то непонятного предвкушения... или даже страха. Смелость Таи была безумной. Или — глупой? Влад не производил впечатление человека, который раздает приглашения направо и налево. Был в этом некий подвох.

Мы вошли в аудиторию и начали готовиться к паре. Однако в моей голове настойчиво стучала мысль — после занятий Елисей будет ожидать меня в вестибюле. А Тая, возможно,

отправится на встречу в архиве, если ее назначат на сегодня.

Украдкой я бросила на подругу взгляд: она выглядела так, будто получила долгожданный подарок. Я же подозревала, что этот «подарок» с острыми краями, и держать его в руках опасно.

Ощущения смешались в один клубок: холодность Лиса, мрачная сила Влада, радостный блеск глаз Таи. И все это каким-то образом сходилось на мне: как будто невидимые нити постепенно затягивались в один тугой узел.

Глава 16. Иллюзии

Нас ожидала пара по иллюзорным структурам и ментальным проекциям. Павел Константинович Климов был совсем молодым преподавателем — аспирантом, которому едва перевалило за двадцать пять. Как я слышала, необычайно талантливым зеркальщиком — специалистом по созданию и управлению проецированными образами. Его даже звали за границу, но он отказал, предпочтя родной питерский Институт.

Климов окинул нас взглядом и заговорил:

— Сегодня вы проработаете варианты нейтрализации сбоев. Эти практики помогут нам точнее диагностировать их и защищаться в случаях, когда что-то пойдет не так.

— А что может пойти не так? — выкрикнул кто-то.

Павел Константинович повысил голос, чтобы перекрыть гомон.

— Вы впервые будете работать в особых условиях — специальных кабинках. Я вам о них рассказывал. Не удивляйтесь, если что-то покажется вам сомнительным. Будьте внимательны и слушайте свое внутреннее чутье.

Он указал на небольшие кабинки — тренировочные «полигоны». Внутри проекционные установки создавали иллюзии и визуальные ловушки для практики распознавания искажений. По окончании сессии кабинка сама анализировала ошибки и подсказывала, на что стоит обратить внимание.

Судя по всему, это было гораздо круче, чем VR-среда. Мы работали в Институте и дома в ее виртуальной имитации, но по-настоящему — еще ни разу.

Двери кабинок открылись, и каждый из нас вошел внутрь. Когда я закрыла за собой полупрозрачную створку, мир сузился до нескольких квадратных метров. Впрочем, долго одной мне оставаться не пришлось. Динамик зашипел, а затем голос Климова наполнил комнатку:

— Первая задача — воспроизводство образа. Мы такое уже как-то раз делали, вспоминаем. Используя концентраторы, вы должны материализовать воспоминание или фантазию — то, что сможет удержаться в поле проецирования. Сохраняйте изображение на протяжении двух минут.

Стены покрылись зеленоватым сетчатым паттерном — это был знак готовности системы к созданию проекций. В центре возникла точка фокуса, на которой требовалось сконцентрировать внимание. Затем зрение необходимо было расфокусировать, представить образ в течение нескольких секунд — и снова вернуться к точке. А после хранить картинку в устойчивом состоянии, избегая появления сбоев, дрожи и деформаций.

Тут до меня дошло: я даже не подумала о том, что именно вызвать в сознании. Нужно было срочно что-то придумать. Каналы в стенах ловили мысли и превращали их в проекцию — реальную, почти осязаемую.

Не знаю, как это произошло, но в голове за эти доли се-

кунды промелькнуло лицо Елисея — видимо, слишком уж впечатлил меня наш разговор в столовой. Я даже не поняла, как и почему — просто в уме вдруг проступили его черты, и мне ничего не оставалось, как ухватиться за этот облик.

— Смотрим, воспроизводим свойства... Удерживаем... Стараемся предотвращать дрожания и помехи... — монотонный голос успокаивал и помогал не отвлекаться.

По идее, две минуты должны были тянуться как два часа: такое упражнение было трудоемким и требовало сил. Поэтому я удивилась, практически сразу услышав следующие указания.

— Далее обратимся к визуализации тревог. Вспомните то, что пугает вас больше всего, сконцентрируйтесь и спроецируйте боязнь в своем боксе. У некоторых картинка может прийти сама, если страх чересчур яркий.

На стенах возникла малиновая маркировка — знак повышения психологической сложности тренировки.

— Ваша цель, — продолжал преподаватель, — взять спроецированное явление под контроль, преобразовать или нейтрализовать его. Используйте преимущества энергетических каналов и концентраторов. Попробуйте изменить образ, ослабить его — или разнести к чертям.

Мы ни разу не выполняли такое задание, но слышали о нем. Во время сессии иллюзорные панели проигрывали различные картины: закрытые пространства, мысли о потере и даже угроза смерти. Задачей студента было перейти в пози-

цию наблюдателя и владеющего ситуацией, победить страхи.

— Помните, что эти конструкции — проявление ваших воспоминаний, — добавил Павел Константинович. — Ваша воля может рассеять их в любой момент.

Звучало обнадеживающе, но сердце все равно бешено забилось, хотя я еще ничего не увидела. Воздух стал плотным как сироп. Концентраторы активировались и начали реагировать на биополе. Все вокруг прислушивалось ко мне.

Я не успела сформулировать, чего именно боюсь — видение визуализировалось само. На экране возникла кухня квартиры, где я жила. Мама ставила чайник, папа что-то весело говорил ей, родители смеялись. Я же сидела за столом, подперев щеку рукой, и улыбалась, глядя на них.

Как замороженная, я наблюдала за идиллией, постепенно осознавая, что этой сцены не существовало в реальности. Просто потому, что я не имела привычки сидеть в такой позе. Да и атмосфера в семье у нас царила более напряженная...

Я попыталась моргнуть — и не смогла. Тело парализовало. Рискнула пошевелить пальцами, но они словно принадлежали кому-то другому. Сцена засияла сильнее, стала ярче, обволакивающе уютной, почти липкой. Одной частью себя я безотчетно тянулась туда, где отображался беззвучный смех, другой — понимала, что это иллюзия.

Стены задрожали, картинка посыпалась, распалась на мелкие квадратики. Оцепенение резко покинуло мое тело, я выдохнула.

Но ненадолго. Тут же в зеркале отразилось еще одно лицо, кроме моего. Это снова был Елисей — и почти сразу рядом с ним проявился Гордей.

Глава 17. Проекция

Образы были реальны и ощутимы — даже чересчур. Парни будто действительно были здесь: один — с холодным и бесстрастным взглядом, другой — с прищуром и едва заметной усмешкой.

Лис смотрел так, будто хотел пригвоздить меня к месту, загнать в рамки и... заставить себе подчиняться. Гордей же был обманчиво улыбчив.

И вдруг... братья почти синхронно задвигались. Их руки щупальцами обвили меня с двух сторон: ладонь Гордея скользнула мне в джинсы, а палец Елисея... прямо в мой рот! Мое отражение прикрыло глаза и с непередаваемым кайфом... облизнуло этот палец, явно балдея от происходящего.

Вытаращив глаза, я наблюдала за этой картиной так, будто в зеркалах отражалась не я, а какая-то другая девушка. Каким-то отдаленным уголком сознания я понимала, что это всего лишь проекция, но мурашки все равно ползли по моему телу, а волоски на коже вставали дыбом. Я была бессильна перед этим наваждением.

Едва не сорвав голос, я выкрикнула заклинание нейтрализации, вспомнив наконец, зачем я тут. Визуализация вздрогнула и рассыпалась вспышками, увиденное задребезжало, словно живое, и тут же исчезло. Стены снова стали ровными, мерцая едва заметной сеткой, как ни в чем не бывало.

Из динамика раздался голос препода — спокойный, будто ничего и не было:

— Сессия завершена. Оценка будет выставлена автоматически. Совершите несколько глубоких вдохов и выйдите из кабинки, когда будете готовы.

Я еще пару секунд стояла, смотря на то место, где рядом со мной находились Гордей и Лис — и пыталась поверить в то, что все это закончилось.

Двери раздвинулись. Я шагнула наружу, все еще частично пребывая где-то не здесь. Одногруппники начали переговариваться, но я слышала эти разговоры будто через толстое стекло.

Климов оглядел группу и поинтересовался:

— Как все прошло?

Все тут же загладели, делясь впечатлениями и увиденным. Боязнь высоты, паника перед экзаменами, страх старения, детские травмы, дискомфорт от одиночества... Как по мне, так это было довольно жестоким заданием. Не для первокурсников точно. Но то, с чем в очередной раз столкнулась я, по-прежнему было за гранью моего понимания.

Голоса складывались в привычную студенческую какофонию — обсуждения, оправдания, шутки, жалобы. Мне захотелось вывалить все кому-то прямо сейчас, как бы это ни было глупо — но зато не держать произошедшее в себе одной.

А потом я вспомнила, как фокусировалась на лице Лиса, и затем обнаружила перед собой обоих братьев — и, навер-

ное, вспыхнула до самых ушей. Хорошо, что кабинки были индивидуальными, и случившееся видела только я.

— Идите отдыхать, оценки посчитает система, — подытожил Павел Константинович.

— Ты чего там разглядела? — подскочила ко мне Тая. — Лицо у тебя такое...

— Да так, ничего, — соврала я. — Пойдем на следующую пару.

— Вот уж нет! — взвилась подруга. — Колись, что там было?

— Ну ладно... — сдалась я. — Родителей я видела. Мы сидели за столом?

— И?

— Это было так странно. Родители смеялись.

— Мои всегда ржут как придурки, и ничего, — пожала плечами Тая. — Что в этом страшного?

Я не сумела бы объяснить, если бы и хотела. Да и вспоминать об этом не улыбалось. Из головы не выходила иллюзия с братьями — и то, как ловко мне удалось уйти от этого при разговоре с подругой.

— А на меня рухнул потолок, прикинь? — затараторила Таисия. — Я реально почувствовала, как дышать нечем... Жесть. Думаешь, это вообще нормально — давать такие задания первокурсникам?

Я вполуха слушала, пока мы шли по коридору в следующую аудиторию, и кивала, чтобы Тая не заметила, как я все

еще не могу отойти от увиденного.

— Но знаешь, — внезапно продолжила Тая, — у тебя, по моему, такой вид... как будто дело в Елисее.

Я вздрогнула.

— О, угадала! — оживилась подруга. — Я же видела, как он на тебя смотрел в столовой. Уж явно не как на обычную первокурсницу.

Краска мгновенно прилила к моему лицу, сердце замерло, а затем застучало как сумасшедшее.

Я сглотнула, собираясь отмахнуться, но слова сами сорвались с языка:

— Не только в нем. Гордей тоже...

— Чего? — Тая остановилась и округлила глаза. — Ты про его шуточки на посвящении?

— Не совсем, — выдохнула я. — Мы ехали вместе в такси.

— Это когда? Ты ничего не рассказывала!

Судя по лицу Таи, она была крайне возмущена моим поведением.

— Да нечего рассказывать, — попыталась выкрутиться я. — Вчера я случайно вышла на станцию раньше. Хотела поехать на трамвае, но встретила Гордея. Он предложил подвезти меня, как раз ждал такси.

— А он что? Как себя вел?

— Как будто собирался поцеловать, — окончательно раскрыла я все карты. — Но я выскочила из машины. Пришлось полчаса до дома тащиться.

Тая присвистнула так, что на нас оглянулись студенты.

— Ну ты даешь, а с виду такая тихоня. Это же как сюжет какого-нибудь сериала. Или книги — я читала подобные, — захихикала Тая.

Мои щеки горели так, что выдавали меня сильнее любых слов, так что я предпочла отмолчаться — и так уже сказала слишком много.

— А представляешь, если я начну встречаться с Владом, а ты — с кем-то из братьев? — не унималась Таисия. — Вот будет круто!

— С каким это Владом собралась встречаться моя юная подопечная? — послышался голос какой-то девушки.

Мы обернулись. За нашими спинами стояла наставница Таи.

Глава 18. Сообщение

Я вдруг поняла, что мы с Таей не в курсе имени ее наставницы. Она не представилась, а на посвящении имен не называли: каждый куратор просто подходил к зеркалу и первокурснику.

Волосы девушки были собраны в пучок, макияж и наряд демонстрировали чувство вкуса. Пожалуй, ее можно было назвать красивой. Если бы не взгляд: он был строгим и холодным, чуть ли не злым. Не знаю, как Таисии, а мне стало не по себе — эта старшекурсница словно насквозь видела твои слабости и уже прикидывала, как их использовать.

Я поймала себя на том, что невольно выпрямилась и убрала руки за спину, будто школьница на уроке. Затем спохватилась и встала расслабленнее. Впрочем, пятикурсница на меня и не смотрела — только на Таю.

— Привет, — протянула Тая, скрестив руки на груди. — Ты всегда так подкрадываешься?

Я аж похолодела от ее дерзости. Понятное дело, лебезить перед наставницей не стоило, но все же наглый тон подруги меня смутил.

— Я не подкрадываюсь. Я наблюдаю — мне положено, — сухо отрезала старшекурсница. — Так кто этот Влад?

— Есть там один, и что? — дерзко ответила Таисия.

— Один, — передразнила девушка, чуть прищулив глаза.

— Старшекурсник, да?

Тая не отвела взгляда.

— А если и так? Это моя жизнь.

Я смотрела на них обеих и не знала, что удивляет больше: с какой стати наставница сунулась в личные дела Таи или то, что подруга не выглядела испуганной — скорее, раздраженной.

— Если твои увлечения будут мешать учебе, в деканате сделают выговор именно мне. Так что лучше займись получением знаний.

Голос пятикурсницы звучал все так же ровно, но в нем сквозил неприятный холодок. Она явно не планировала становиться Тае подругой или приятельницей.

Повисло гробовое молчание. Мимо, переговариваясь, проходили студенты, но внутри этой пары будто образовался отдельный пузырь напряжения. Я задержала дыхание — будто боялась привлечь внимание странной пронизывающей энергии, исходящей от наставницы Таи.

— После пар найдешь меня, — наконец бросила кураторша. — Обсудим твои планы. А, да, меня зовут Лиана. А тебя?

— Тая, — буркнула моя подруга.

Посчитав разговор завершенным, Лиана развернулась и пошла прочь.

Я проводила ее взглядом, почему-то испытывая неприязнь. Даже слегка порадовалась, что эта мерзкая наставница досталась не мне. Но тут же вспомнила свою ситуацию, и где-

то в районе сердца стало невыносимо жарко.

— Вот сучка, а? — Тая возмущенно посмотрела на меня.
— Возомнила что-то о себе!

— Но ты же поищешь ее после занятий, да? — осторожно поинтересовалась я.

— А куда деваться, — недовольно отозвалась Таисия. — Ну что, пошли на пару, а то задерживают тут некоторые.

По расписанию у нас было искусство маскировки и личин — предмет, который напоминал уроки театра, но с магическим уклоном. Преподаватель учил не просто менять выражение лица или походку, а буквально прятать истинное «я» за иллюзиями и защитными образами. Полезно для разведки, шпионажа, да и в повседневной жизни. Было интересно, но получалось у меня пока не очень.

Говорили, что со временем такие навыки становятся второй кожей, и тогда уже не ты надеваешь личину, а личина управляет тобой. Эта идея и завораживала, и пугала.

— Кстати, — Тая повернулась ко мне, и в ее глазах мелькнула озорная искорка. — После этого мне еще больше захотелось встречаться с Владом. Ей назло!

Я усмехнулась. Было очевидно, что Тая нарочно произнесла имя старшекурсника, будто заявляя самой себе, что ей все равно на предупреждения Лианы.

Я же все еще не могла выкинуть из головы произошедшее в кабинке. Образы Лиса и Гордея, реальность их проекций — картинки прокручивались в моем сознании снова и снова.

Взгляд Елисея ведь тоже был холодным, но не таким, как у Лианы. От него не леденели все внутренности — наоборот. А теперь мне предстояло встретиться с ним в реальной жизни. Я попыталась представить, куда мы пойдем и о чем будем говорить. Получилось плохо: я понятия не имела, что он задумал. Беседа с ним обещала быть экзаменом — своеобразной проверкой моего самообладания.

С другой стороны — а что такого Лис мог придумать? Наверняка он просто собирался вкратце обрисовать, как будет устроена совместная работа, не покидая холла Института. Может, я должна буду им как-то отчитываться о парах... или еще что-нибудь. От этого расплывчатого «что-нибудь» вновь екнуло сердце, но я отмахнулась от мыслей, и на этот раз вполне себе успешно.

Мы уже почти подошли к нужной аудитории, как смартфон в сумке Таи завибрировал.

— Ой, забыла отключить, — чуть ли не подпрыгнула подруга.

Она достала устройство:

— «Жду тебя в архиве после пар», — прочитала она вслух. — Ой! Адель! Это же он? Влад, да?

Она на секунду замерла, сжимая телефон в руке и перечитывая сообщение. Затем не выдержала и разразилась счастливым смехом на весь коридор.

— Ну да, видимо, он! Больше некому! Представляешь?! Таисия бросилась ко мне на шею от прилива чувств. Я же

обнимая ее, внезапно вспомнила:

— Тай, а как же Лиана?

— Ой... — потерянно выдохнула подруга, лишь сейчас припомнив о наставнице и их договоренности. — Что делать?

Таисия посмотрела на меня, словно спрашивая, как поступить.

— Я бы встретилась с наставницей, — пожала я плечами. — Это все-таки касается учебы. Но ты же не будешь меня слушать, да?

Я попала в точку: лицо Таи обрело привычную решимость — она вздохнула и быстро щелкнула пальцем по экрану, закрывая уведомление:

— Ладно, забуду на Лиану, — пробормотала она себе под нос, но достаточно громко, чтобы я услышала. — В другой раз. И вообще, она слишком самоуверенная.

Да, Тая действительно умела отбрасывать лишнее. Решение далось ей легко, и я чуточку позавидовала этому умению. Я же всегда застревала в раздумьях, перебирала варианты, терзалась сомнениями. Может, поэтому Тая мне сразу понравилась — рядом с ней казалось, что выбор прост, пусть на самом деле это было и не так.

Тут мимо нас прошел преподаватель, и мы поспешили за ним в кабинет. Я твердо решила сосредоточиться на занятии и постараться не думать о том, что ждет меня после его окончания. Уселась за парту, открыла конспект и заставила

себя уставить на страницы, чтобы вспомнить, о чем шла речь на прошлой паре.

Однако строчки плыли перед глазами, а слова распались на бессмысленные линии. Внутри неумолимо нарастала дрожь ожидания. Каждая минута приближала к моменту встречи с Лисом — мысль об этом пугала и будоражила одновременно.

Глава 19. Сладкое оцепенение

Несмотря на то, что пара была практической, тянулась она невероятно долго. Сегодня у меня не получилось удержать картинку и минуты. Тая тоже была не на высоте — видимо, как и я, пребывала в мыслях, далеких от личин и маскировки. Когда нас наконец отпустили, мне казалось, что я выжата как лимон.

Мы вместе с остальными первокурсниками вывалились из аудитории. Коридор уже был наводнен другими студентами. Таисия, как всегда, заговорила первой:

— Слушай, как-то все было не очень! — она всплеснула руками так, что едва не задела проходившего мимо парня. — С меня маска слетела три раза! Ты видела?

— Ага, — кивнула я рассеянно.

На самом деле я почти ничего не видела. Тут бы свои задания выполнить, стараясь при этом не думать, что после занятий меня ждет встреча с Лисом.

— Ты тоже была хороша, — со смешком продолжала Таисия. — Шпион из тебя так себе, конечно.

Я фыркнула:

— Спасибо за щедрую похвалу.

— Да ладно тебе! — подруга бодро ткнула меня локтем. — Дело в практике. Вот увидишь, через месяц будем асами в этом деле.

Я очень сомневалась в этом, но кивнула — чем черт не шутит.

— Хотя, если честно, — Тая понизила голос и заговорщицки наклонилась ко мне, хотя в коридорном шуме ее и так было слышно только мне, — меня больше интересует не пара, а что будет потом.

— Ты про встречу с наставницей? — уточнила я, хотя знала, что она имеет в виду.

— Да ну ее, эту Лиану, — отмахнулась Тая. — Я, между прочим, в архив собираюсь. Влад ждет.

Она произнесла имя с такой довольной улыбкой, что у меня не осталось сомнений: отказаться от этого приглашения подруга точно не планировала.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — осторожно спросила я. Было понятно, что Тая уже все решила, но попытаться стоило.

— А почему нет? — удивилась Таисия. — Разве можно упускать такой шанс? И новому научусь, и с Владом сблизюсь.

Она шла вприпрыжку, явно окрыленная предстоящей сходкой, и болтала без умолку:

— Как все-таки интересно совпадет, если бы обе будем с пятикурсниками!

— Не начинай, — простонала я.

— У кого-то лицо покраснело! — ехидно протянула Тая. — Значит, я права.

Я ускорила шаг, чтобы побыстрее выбраться в холл. Кажется, тема двойных встречаний стала навязчивой манией подруги. Было страшно представить, как Таисия переживет тот факт, что Владу на нее наплевать. В том, что это так, я не сомневалась. Наверняка он и позвал-то ее, чтобы посмеяться над наивной первокурсницей.

— Короче, — заключила Тая, — побегу я, пока моя кураторша меня не засекала. Удачи тебе там с Лисом.

Она подмигнула, игриво помахала мне рукой и растворилась в толпе студентов.

Я осталась одна посреди шумного коридора. И, хоть я и мечтала, чтобы Таина трескотня о парнях прекратилась, теперь она мне вдруг показалась спасительной. Без ее слов тревога зазвенела в голове громче.

Едва я вышла в вестибюль, сразу заметила Лиса. В холле было много людей, но он бросался в глаза — то ли из-за безупречного стиля, то ли из-за выбеленных волос, то ли банально из-за высокого роста. Или он выделялся только для меня? Я предпочла бы считать, что дело не в моих личных предпочтениях — такие мысли пугали.

Мгновение я стояла, не решаясь подойти. Вокруг шумели студенты, но было ощущение, что между нами — прозрачный пузырь, отрезающий меня от всего остального.

— Ты задержалась, — сказал он безо всяких эмоций.

— Не я решаю, когда нас отпустят с пар, — ответила я.

Надеялась, что прозвучит дерзко, но получилось как-то

робко и неуверенно. Так что я вздернула подбородок и смело посмотрела прямо на Елисея.

Он шагнул ближе, и пространство между нами вдруг стало ощутимо меньше.

— Ясно, — изрек Лис все так же безэмоционально. — Пошли.

— Куда это?! — возмутилась я.

— Увидишь.

Он не спрашивал, хочу ли я идти, есть ли у меня время — просто ставил перед фактом. В какое бы оцепенение меня не погружала холодная голубизна глаз Елисея, но отправляться с ним непонятно куда я готова точно не была.

Я сделала шаг назад, спиной наткнувшись на кого-то из студентов, но даже не подумала о том, чтобы извиниться — слишком было не до того.

— Ну уж нет, — выдохнула я, силясь звучать если не решительно, то хотя бы не жалобно. — Поговорим здесь.

Лис поднял бровь и чуть шевельнул уголком рта. Было неясно, то ли ему смешно, то ли он раздражен. Но глаза почему-то стали практически стеклянными.

— Здесь мы говорить не будем, — отчеканил Елисей. — Сама дойдешь, или помочь?

— Куда... дойдешь?

— В машину. Съездим в одно местечко.

— Я не сажусь в машину с незнакомцами, — пробормотала я.

— Я не незнакомец, — отрезал он. — Кстати, время вышло.

Лис еще немного шагнул вперед.

— Я же сказала, что не поеду, — выдохнула я, отступая.

В голове даже мелькнула шальная мысль рвануть прямо сейчас: пожалуй, я бы смогла выбежать на улицу. Правда, был ли в этом смысл? Такой поступок мог разозлить Елисея. Я его совсем не знала — вдруг бы он пожаловался на меня в деканат. Да и выглядеть истеричкой тоже не улыбалось.

Пока я размышляла, Лис, видимо, окончательно принял какое-то решение по поводу меня.

— Похоже, сама не дойдешь, — промолвил он спокойно. — Ладно.

Прежде чем я успела хоть что-то сделать, Лис аккуратно, но решительно перехватил меня поперек туловища и закинул через плечо. Настолько запросто и уверенно, что я не сразу поняла, что произошло. Мир перевернулся: волосы упали на лицо, кровь прилила к голове. Радовало одно: сегодня я надела джинсы, а не юбку.

— Эй! — выкрикнула я, забарахтавшись. — Отпусти! Немедленно!

Я колотила его в спину кулаками, брыкалась, но это было так же бессмысленно, как пинать ствол многовекового дерева. Силы здесь распределены совершенно не в мою пользу.

В холле на нас начали оглядываться. Кто-то усмехнулся, кто-то удивленно приподнял брови, но никто не вмешался.

Наверное, мы выглядели как пара, в которой парень шутя уносит девушку. И наверняка почти все узнали Елисея. Вот так позор.

— Ты с ума сошел?! — зашипела я, стараясь говорить как можно тише, хоть и безуспешно. — Поставь на место, псих!

— Потихе, — обронил Лис, каким-то чудом открыв массивную дверь входа в Институт и спускаясь по лестнице. — Или хочешь привлечь еще больше внимания?

Он был прав: на нас и так глазели. Впору было возненавидеть Лиса за то, что он выставляет меня посмешищем, но вместе с унижением во мне поднималась странная дрожь — будто под кожей пробегали искры.

И чем сильнее я злилась, тем явственнее ощущала, что эта бесцеремонная уверенность Лиса вызывает не только протест, но и то самое тревожно-сладкое оцепенение, как тогда, в зеркале.

Я ненавидела себя за эту реакцию — и не могла от нее избавиться. Одной половиной себя я хотела вырваться, другой — сдаться.

— Вижу, сопротивляться ты умеешь, — негромко сказал мой наставник, преодолев ступени и направляясь к мини-парковке. — Но вот выигрывать у тебя пока не получается.

С этими словами он опустил мое туловище на асфальт, распахнул заднюю дверь машины, упаковал меня туда, а сам сел следом — и все это быстро, бесшумно, без лишних дви-

жений.

Автомобиль тронулся с места. За стеклом поплыли дома, улицы, автомобили. Я понятия не имела, куда меня везут. Такси это было, или за рулем находился сообщник Лиса — тоже.

Если бы я и попросила его остановиться, вряд ли бы он это сделал — почему-то мне так показалось. Тут же возник еще один страх: что, если я на самом деле не хочу, чтобы он останавливался? Это осознание пугало больше всего.

Я повернула голову и взглянула на Елисея. Впервые за всю нашу встречу улыбка озарила его лицо. Едва заметная и предвкушающая что-то опасное.

Глава 20. Поездка

Я поспешно отвернулась от Лиса, уставилась в окно, прижалась плечом к дверце и попыталась изобразить спокойствие. Вряд ли получилось: пальцы нервно теребили ремешок сумки, а взгляд напряженно следил за дорогой.

Первые минуты я честно старалась запомнить маршрут. Это получалось легко, ведь Институт располагался в центре. Но потом — я даже не поняла, когда и как — привычные улицы и дома сменились совершенно незнакомыми видами. Я даже не смогла бы ответить на вопрос, на севере мы или на юге.

Я силилась разглядеть вывески, указатели, названия автобусных остановок. Это было способом сохранить иллюзию контроля: если знаю дорогу, значит, смогу вернуться сама.

Но чем дальше мы ехали, тем больше все сливалось в бесконечный калейдоскоп улиц — в голове все спуталось. Я сбилась, потеряла нить и ощутила, как внутри нарастает пустота. Даже не заметила, в какой момент перестала считать — сдалась.

Я украдкой покосилась на Елисея. Он сидел рядом, в другой половине салона, не замечая моего присутствия. Уставился в свой телефон с непроницаемым выражением лица, даже тени былой улыбки на его физиономии не наблюдалось. Ни попыток заговорить, ни вопроса, ни даже случайного ка-

сания. Для него я была пустым местом.

На ум само собой пришло сравнение с той поездкой с Гордеем — настолько она была другой. Он болтал, шевелился, излучал движение, огонь. Лис же являл собой абсолютный ледяной покой. Неужели они, такие разные, и впрямь были братьями?

— Мы... далеко едем? — нарушила я молчание, когда оно стало невыносимым.

Елисей медленно повернул голову. Его прозрачные глаза задержались на мне всего пару секунд.

— Достаточно, — ответил он и снова вперился в мобильник.

И больше ни слова.

Я сжала зубы. Ну спасибо за развернутый ответ. Хотелось язвительно добавить что-нибудь про его «великое умение вести светскую беседу», но так и не осмелилась. Я не была уверена, что Лис оценил бы шутку.

Дома начали редеть, улицы становились тише. Я окончательно перестала узнавать город. Он будто поменял лицо: стал чужим, незнакомым. А может, мы уже вообще были в области? Я уже ничего не могла опознать. Мой мозг цеплялся за каждый знак и поворот, но тщетно.

Можно было, наверно, достать телефон и посмотреть по навигатору, но я не решалась пошевелиться. Просто оцепенела.

Впрочем, страха почему-то не ощущалось. Возможно,

моя уверенность была самонадеянной, но не походил Елисей на насильника. Да, в нем было что-то странное. Маньячное, может даже. Но все же мне казалось, что дело в другом. В чем конкретно, я не знала.

Вдруг подумалось, что лучше бы уж Лис приставал, как Гордей — пытался вывести меня из равновесия словами или касаниями. А вот эта ледяная отстраненность пугала куда больше — потому что я вообще не понимала, что он задумал и зачем меня везет.

— Эй... — опять обратилась я к своему похитителю, — это место... оно вообще в городе находится?

Лис откликнулся не сразу — я даже успела потерять надежду услышать его голос. Затем он все же оторвался от экрана своего мобильного, мельком взглянул на меня:

— Нет.

Я замерла. Нет? Значит, мы едем далеко — или, точнее, уже уехали.

— Так... куда мы едем? — выдохнула я. Но ответа ожидаемо не прозвучало.

Я снова кинула взгляд в боковое стекло: оказывается, редкие дома уступили место деревьям. Внутри стало пусто и одновременно тревожно сладко.

Лис убрал телефон в карман и повернулся ко мне половиной корпуса:

— Почти приехали.

— Почти... — эхом повторила я.

— Будь готова, — голос Лиса был холодным и ровным. — От тебя потребуется максимум концентрации.

Я зачем-то кивнула, хотя и не подозревала, что меня ждет.

Через пару минут мы свернули с главной улицы в узкий переулок. Деревья образовали над машиной импровизированный коридор, пространство потемнело. Реальность стала зыбкой, а вместе с ней — и чувство собственной безопасности. Сердце, видимо, вдруг осознало, в какой ситуации очутилась его хозяйка, и заколотилось как сумасшедшее.

Внезапно перед моим взором выросло старое здание. Оно было огромным. Мы приблизились к массивным частично обвалившимися воротам.

— Да, это здесь, — сказал водителю Лис. — Спасибо.

Сквозь решетчатый забор строение хорошо просматривалось. Оно явно было заброшено. Стены были покрыты граффити и трещинами, окна выбиты или заколочены досками.

— Это... — мне подурнело от одной мысли о том, что придется покинуть уютный салон автомобиля и отправиться в эту заброшку. — Это... что?

— Узнаешь, — Лис вышел из машины и открыл дверцу с моей стороны. — Выходи.

Деваться некуда: я бросила беспомощный взгляд на затылок водителя — того, судя по всему, ничего не смущало. Неловко выбралась из авто и поежилась: сегодня был теплый день, поэтому бомбер я не надела, но уже было часов семь вечера, так что стало прохладно.

— Холодно? — равнодушно поинтересовался Елисей.

— Нормально, — буркнула я.

Тот снял с себя серый, в цвет жилетки, пиджак и накинул мне на плечи. Машина развернулась и уехала, мы остались одни

— Спасибо, — пробормотала я в спину Лиса.

Тот подошел к воротам и открывал замок ключом.

— Ты уверен, что это безопасно? — осторожно спросила я, хотя понимала, что вопрос риторический. Да и кто бы мне сказал правду.

— Абсолютно, — ответил Елисей, не поднимая головы.

— Кстати, как тебя зовут-то?

— Адель.

Вот и познакомились — самое время.

Лис наконец справился с замком, и ворота распахнулись.

— Заходи, — бросил мой наставник, и, не дожидаясь ответа, вошел на территорию.

Мне ничего не оставалось, как проследовать за Лисом.

Глава 21. Выбор

Территория за забором была огромной. Странно, но, несмотря на заброшенность строения, пространство освещалось фонарями.

Земля под ногами была неровной, усеянной камнями, осколками кирпича и остатками плитки. Лис спокойно шел впереди — кажется, ему вообще было все равно, доберусь ли я в целости и сохранности до места назначения.

Я украдкой оглядывалась вокруг, пытаюсь оценить обстановку. Увиденное не радовало. Вблизи постройка оказалась еще более разрушенной, чем издалека. Все выглядело чуждо и опасно.

— Какое все старое... — пробормотала я себе под нос, обращаясь то ли к самой себе, то ли к Лису.

Тот, естественно, не ответил. Зато слегка ускорил шаг. Я поспешила за ним, прежде всего из-за страха. Сердце безумно колотилось, и каждый звук, будь то падение ветки или скрип доски, казался оглушительным.

С каждой секундой тревога нарастала. Я понимала, что чем дальше мы идем, тем меньше возможности для отступления. Хотя этот шанс я упустила еще в вестибюле Института.

Наконец мы подошли к зданию. Тут дверь была уже не заперта. Было темно, пахло пылью и затхлостью — я едва

сдержалась, чтобы не закашляться. Пол неприятно хрустел — судя по всему, это было битое стекло.

Свет фонарей пропал, но Лис ловко щелкнул чем-то — и луч довольно мощного фонарика разрезал темноту, выхватывая облезлые выцветшие граффити.

— И зачем мы здесь? — спросила я, обмирая от ужаса.

— Ты задаешь много вопросов, — отрезал Лис.

— Разве? — возмутилась я, даже забыв о тревоге — настолько это было несправедливо. — Я вообще почти ничего не спрашивала.

Елисей вдруг резко развернулся ко мне. Это было так неожиданно, что я невольно отступила и даже чуть не упала.

— Скажем так, каждый твой вопрос — это шаг, — медленно начал говорить Лис. Фонарь светил куда-то в сторону, и мне не было видно выражения лица наставника, отчего было страшно вдвойне. — А каждый шаг, который ты делаешь, ведет к выбору. Ты уже прибыла сюда. Согласилась, не зная, что будет дальше.

— Я ничего не решала! — вспыхнула я. — Ты вынудил меня.

— Уверена? — тихо сказал Лис. Почему-то это прозвучало так угрожающе, что по моей коже пошли мурашки. — Почему же не убежала от меня в холле?

— Ты меня схватил! Уже забыл?

— А до этого?

— Потому что... — я замаялась, не зная, что ответить. —

Я же не подозревала, что ты такой псих!

Слова вырвались у меня против воли — как тогда, когда Елисей понес меня к машине. Я похолодела, явно сказав лишнее. Но Лис не разозлился — даже не пошевелился.

— Псих? — переспросил он ровно, без тени эмоции. — Возможно. Но ведь ты сама пошла за мной.

— Но я не...

— Ты думаешь, что у тебя не было выбора, — перебил Лис. — На самом деле ты просто выбрала не сопротивляться. Это тоже выбор. Удобный — спорить не стану.

Елисей говорил так уверенно, что слова проникали в самую мою сердцевину и будто обволакивали разум, приводя в замешательство. Все это звучало абсурдно и вместе с тем как-то... логично.

Я попала в ловушку: Лис без особых усилий сделал меня виноватой, да так, что я уже запуталась в том, кто ответствен за сложившуюся ситуацию.

— Хорошо, пусть так, — кивнула я, и мне больших трудов стоило сохранить спокойствие и притвориться, что все так и задумывалось. — И что теперь?

— Я устрою тебе испытание, — ответил Лис.

— Что?! — я полагала, уже ничего не способно повергнуть меня в шок, но ошибалась. — Зачем?! Ты сказал, мы просто поговорим.

— Я пока не решил, заслуживаешь ли ты того, чтобы я вообще с тобой разговаривал. И, уж тем более, был твоим

куратором.

Если бы на моем месте была Тая, она бы наверняка не сдержалась. Например, грубо заявила бы, что можно и не разговаривать, ей все равно, и что они с Гордеем как-нибудь справятся вдвоем — что-нибудь в этом роде. Но я была не Тая. Однако как-то отреагировать все-таки надо было:

— Это шутка? Тебя показало зеркало как наставника. Точнее, вас.

Свет фонарика на мгновение скользнул по его лицу, выхватив жесткие линии скул, сжатые губы и холодные глаза. Ни намек на улыбку.

— Я никогда не шучу, — сказал он ровно. — Однако ты слишком легко соглашаешься на правила, которые даже не пытаешься понять. Мне нужно убедиться, что такая подопечная стоит моего внимания — и внимания моего брата, кстати, тоже.

— Ты специально говоришь все это — чтобы я поверила, что сама виновата.

— А разве это не так? — усмехнулся Лис. — Если я заставляю тебя сомневаться в себе, значит, ты и правда не уверена. Это не мой контроль — это твоя неготовность.

К горлу подступила горячая, бессильная злость. А душу охватило то странное сладкое оцепенение, когда я смотрела в зеркало, которое отражало не меня, а кого-то, кем я могла бы быть. Голос Лиса врезался в сознание холодным металлом — а все мои внутренности плавились лавой, обжигая изнутри.

— Если ты пройдешь испытание, — продолжил Елисей, — я поговорю с тобой. По-настоящему.

Его голос звучал мягко и практически неслышно, но от этого становилось только страшнее.

— А если нет?

— Тогда ты не стоишь того, чтобы я тратил на тебя свое время.

— Вот как... — выдохнула я сквозь стиснутые зубы, и обида, горькая и колючая, разлилась по всему телу. — Выходит, я для тебя просто пустое место?

Не знаю, чего я ожидала. Что старшекурсник с какой-то стати заинтересуется мной, вчерашней школьницей? Да мне и самой было наплевать, как Лис ко мне относится. Я вообще об этом не думала. До этой поездки черти куда.

Лис скупно пожал плечами.

— И что теперь? — выдавила я, стараясь казаться твердой. — По-твоему, я должна просто выполнять все, что ты прикажешь, чтобы заслужить твое уважение?

— Мне нравится ход твоих мыслей. Но это уже на твое усмотрение.

— И ты опять заявишь, что это все был мой личный выбор?

— Именно так, — Лис повернулся ко мне спиной. — Завязывай разглагольствовать, если только ты не хочешь переночевать тут.

От перспективы остаться тут на ночь, да еще и с Елисеем,

я окончательно лишилась дара речи — стоило мне только на крошечную долю секунду вообразить, что это и вправду случится.

На километры вокруг не было никого, кроме нас, и даже если я бы закричала — никто бы не услышал. Хотя, понятное дело, Лис просто припугнул меня, чтобы я быстрее соображала.

— Хорошо, — сдалась я ему в спину. — Можно последний вопрос?

— Ну?

— А это безопасно? — я понимала, что спрашивать такое бесполезно, но не смогла удержаться.

— Что именно?

— Ну... вот это испытание.

— Безопасно настолько, насколько требуется, — отчеканил Лис. — Идем.

Я вздохнула. Его слова не добавили уверенности, скорее наоборот. Но единственное, что оставалось — попытаться справиться. Потому что другого выхода у меня, видимо, не было.

Глава 22. Испытание

Лис повел меня по длинному коридору. Свет фонарика резал темноту узким лучом, бросая на стены причудливые тени. Запах сырости и пыли щекотал ноздри. С каждым шагом мои уши становились более чуткими к звукам внешнего мира. Все казалось подозрительным и зловещим.

Я изо всех сил ругала себя за то, что очутилась тут, осознавая бессмысленность этих самобичеваний.

Лис шел впереди, не говоря ни слова и не оглядываясь. Я ни о чем не спрашивала — Елисей все равно бы не позволил нарушить задуманную им самим последовательность событий.

Так и оказалось. Вскоре Лис заговорил:

— Цель простая — найти комнату с отметкой «А». Любая паника, сомнение или чрезмерная реакция помешают тебе.

— Найти комнату — и все? А фонариком пользоваться можно?

Напряжение немного отпустило — задача уже не представлялась такой непосильной. Однако Елисей разрушил мою зарождающуюся надежду:

— Нет, — спокойно ответил он, не оборачиваясь. — Фонарь останется у меня.

Я невольно замедлилась.

— И как я, по-твоему, должна искать какую-то там букву

в потемках?

— Подключи интуицию. И главное: пространство здесь подстраивается под того, кто в нем находится.

— В смысле — подстраивается? — я аж затормозила, но собралась и ускорила, чтобы не потерять из вида Лиса.

Тот же, в свою очередь, остановился и повернул ко мне голову. Даже в полутьме я заметила, как блеснули его глаза.

— Ты увидишь то, чего боишься. Или то, чего хочешь. Не доверяй тому, что кажется реальным.

Меня охватил резкий озноб, а вслед за ним — страшная догадка.

— То есть... ты собираешься прибегнуть к магии для этого испытания?

— Она уже действует, — отрезал Лис. — Мы сейчас в заброшенном корпусе Института. Пространство фонит — странно, что ты не чувствуешь. Хотя что еще от тебя ждать.

— Но это запрещено! — я пропустила оскорбление мимо ушей. — Любая магия, влияющая на студентов вне Института...

— Не всякая магия равнозначна нарушению правил. Это проверка. По сути, это в интересах Института.

— И как это будет проявляться?

— Двери могут исчезнуть, коридоры — удлиниться, отражения — подсказывать или сбивать с толку. Твоя задача — понять, где правда, а где иллюзия.

Я сглотнула и помолчала, переваривая слова наставника.

— Значит, все, что я увижу дальше, может быть обманкой?

— Да, я же только что сказал, — уже чуть раздраженно бросил Лис. — Все, вот лестница. После нее ты пойдешь одна.

Ступени терялись в непроглядной тьме, куда не достигал яркий свет фонаря. Мы стояли у самого начала подъема.

— Ну, вперед.

— А ты? — вырвалось у меня. Я выглядела жалкой в тот момент, ну и пусть.

— Это же твое испытание. Но я на подхвате, если начнешь терять контроль — не хватало еще неприятностей из-за какой-то первокурсницы.

Я медленно шагнула на первую ступеньку, затем еще на одну. Каждая ступень казалась длиннее предыдущей — лестница тянулась вглубь темноты, уводя меня от реальности. Фонарик Лиса больше не освещал путь. Каждое движение требовало концентрации, иначе был риск упасть в этом мраке.

Второй этаж встретил меня гулкой тишиной. Несмотря на равнодушие Лиса, без него я ощутила себя осиротевшей.

Я на ощупь пошла по коридору. Елисей слегка слукавил — видимо, чтобы меня напугать: по правую сторону тянулся ряд огромных окон, в которые попадал свет от уличных фонарей. Слева выстроились двери — одинаковые и облупленные. А между окон и дверей повсюду висели зеркала.

Я обернулась — и поняла, что лестница исчезла. Позади расстился тот же бескрайний коридор, что и впереди. Сердце ухнуло в пятки, но я заставила себя не спешить с истерикой. Лис ведь предупреждал об миражах. Нужно было лишь сохранять спокойствие и двигаться, пока не попадется дверь с буквой «А».

Я шла, вглядываясь в двери и осматривая каждую из них. Внезапно зеркала по обе стороны начали шевелиться. Я словно шла в тоннеле, который сжимается и расширяется одновременно.

— Это невозможно... — пробормотала я сквозь зубы — для того, чтобы услышать свой голос, почувствовать какую-то опору.

Пол пружинил под ногами, тени перемещались и кружили в хаотичном танце. В зеркалах мелькали силуэты, но исчезали, как только я пыталась сфокусировать взгляд. За спиной раздавались хлопки дверей. Я сосредоточилась на дыхании и шагах, игнорируя иллюзии. Чем внимательнее я была, тем меньше они меня отвлекали.

Путь неожиданно расщепился на две параллельные идентичные ветви: каждая из них производила впечатление реальной. Я замерла, а затем наугад повернула налево.

Сразу же показалось, что потолок стал ниже, а стены сдвинулись. Я даже задумалась над тем, чтобы вернуться и выбрать другую ветвь. Однако когда оглянулась, коридор позади меня выглядел точно так же, как и впереди — был пустым

и бесконечным.

— Дерьмо... — выругалась я, и на этот раз мой шепот прозвучал в тишине как-то зловеще.

И тут я разглядела металлическую букву «А». Сердце подпрыгнуло от радости: неужели все так просто? Но после этого болезненно сжалось: что-то внутри меня подсказывало, что это подстава.

Я прикоснулась к ручке и отпустила. Лис велел прислушиваться к ощущениям — и они подсказали мне не открывать.

Я отправилась дальше. Коридор по-прежнему казался пугающе живым. Мозг с трудом успевал обрабатывать, что реально, а что нет.

Одна из дверей оказалась открытой. Буквы «А» на ней не было. Я аккуратно заглянула, не пересекая порога и ничего не касаясь.

Внутри была маленькая комната — пустая, не считая одного большого зеркала. И там, в отражении, я снова увидела их обоих: Елисея, сдержанного и холодного, и Гордея — яркого и манящего. Огни фонарей с улицы почти не проникал в помещение, но фигуры парней светились, выделяясь на темном фоне.

Все было как и всегда, когда я видела их отражения везде, где только можно. Но теперь это было иначе. Присутствие наставников не ограничивалось картинкой, пускай и движущейся: между мной и этими отражениями проскаки-

вали электрические разряды. Я буквально кожей чувствовала, как невидимые иглы пронизывали воздух, вызывая мурашки по всему телу.

Сердце забилося быстрее, дыхание сбилось — страх смешался с иррациональным возбуждением, будто я находилась на грани чего-то запретного.

Вдруг зеркало дало трещину. Мгновение спустя треск превратился во взрыв света, который разорвал поверхность стекла. Я рухнула на пол. Глаза ослепило свечением, а потом все поглотила тьма.

Глава 23. Пробуждение

— Блядь, ты ебанутый или как?

Фраза пронзила мой разум прежде, чем я осознала, кто я и где я. Сознание возвращалось урывками, как и ощущение тела. Руки были тяжелыми как свинец, ноги — затекшими, а в спину отдавало тупой болью.

Я пыталась пошевелить пальцами — вышло не с первого раза. Приоткрыла глаза и зажмурилась: свет резанул по зрачкам. Он был не дневным и солнечным, а теплым, как от лампы.

— Не начинай, — отозвался второй голос, спокойный и ровный, но в нем сквозил металл. — Все было под контролем.

Это был Лис — и я окончательно вспомнила, что со мной произошло. В памяти одномоментно всплыло все сразу: поездка на авто, загородный старый корпус Института, испытание... отражение в зеркале, которое взорвалось. Треск, ослепляющая вспышка и тьма.

Неужели я все еще лежала там, на полу заброшенного здания? Но откуда тогда был этот свет? На фонарь не похоже.

— Под контролем?! — теперь я поняла: это был Гордей, злой и взвинченный. — Она там чуть не сдохла!

Сердце ухнуло вниз. Если он это сказал... значит, все было настолько опасно? В сознании снова пронеслись воспо-

минания: отражения наставников смотрят на меня, воздух искрится, зеркало рассыпается вдребезги.

Елисей все тем же монотонным тоном что-то неразборчиво ответил.

Даже не видя их лиц, я могла себе вообразить этот диалог. Собранный и невозмутимый Лис с этим своим мерзким спокойствием, будто ему всегда известно, что будет дальше — и взрывоопасный огненный Гордей. И сейчас они ссорились из-за меня.

Гордей повысил голос еще сильнее:

— Ты, блядь, понимаешь, чем это могло закончиться? — он был на взводе. — Первокурсница, еб твою мать! А мы ее кураторы! Если бы кто-то узнал — нам обоим была бы крышка.

Наступила пауза. Потом раздался холодный голос Лиса:

— Не драматизируй. Она же выдержала.

Выдержала? Смешно. Я так и не нашла комнату с буквой «А», а еще упала в обморок. А теперь очутилась в чьей-то квартире, судя по всему. Гордея? Елисея? Их общей?

И тут меня обожгла еще одна мысль: родители. Сколько я пролежала в беспмятстве, неизвестно. Они наверняка меня потеряли и обзвонили все морги и больницы. Страх кислотой моментально выел все мои внутренности за считанные секунды. Мне срочно захотелось схватить телефон, убедиться, что прошел всего час-другой, и еще получится как-то отмазаться, пусть и через скандал.

А спор наращивал обороты.

— Ты сказал, там была куча стекла, — взревел Гордей. — Просто повезло, что ее не задело. Как ты вообще додумался до этого? Еще и за моей спиной?!

— За твоей спиной? — хмыкнул Елисей. — А ты у нас кто — ректор?

— Я куратор, которому не хочется выносить труп из корпуса! — Гордей буквально рычал. — Ты хоть представляешь, что было бы, если бы случилось еще что похуже?

— Представляю, — коротко отрезал Лис. — Именно поэтому я все продумал. Думаешь, я не понимал риски? Все рассчитано, — он почему-то замялся, и лишь после короткой паузы добавил с привычной бесстрастной интонацией. — Ты бы в жизни так не смог.

Неужели непробиваемый панцирь Елисея дал трещину — или мне просто показалось? Но напряженный диалог продолжался, и все мои силы были брошены на то, чтобы вслушиваться, а не анализировать.

— Продумал?! — Гордей зло рассмеялся. — Ты даже не проверил, готова ли она. Зато приволок ее ко мне.

Так вот чья это была квартира.

— Хватит уже, — бросил Елисей раздраженным тоном. — Если бы не справилась, я бы вмешался.

— Да ну?! Что-то я не заметил, то-то она грохнулась и до сих пор валяется в отключке.

Приоткрыв веки, я увидела тумбочку с полупустым стака-

ном воды, прикрытое жалюзи окно, шкаф... Это был спальня обычной современной квартиры. Я находилась на незаправленной кровати в своей одежде. Мобильника, как и сумки, в обозримом пространстве не было.

Тело не слушалось. В груди стоял комок — и физический, и эмоциональный. Каждое движение отзывалось слабостью.

Я села слишком резко — и на мгновение все поплыло. Мир покачнулся, потолок словно стал ближе, чем должен.

Осторожно повернулась к двери. Свет пробивался из-под нее узкой полоской.

Затем попыталась встать. Ноги подогнулись, и я едва не рухнула обратно на кровать. Голова гудела, как после похмелья, только вот ни капли алкоголя во мне не было.

Судя по приглушенным звукам, разговор продолжался, просто парни сбавили тон. Я, держась за поверхности, подкралась к двери и прижалась к косяку, стараясь дышать как можно тише — на всякий случай.

— Твоя гениальная проверка могла ее угробить, — прошипел Гордей. — Ради чего? Чтобы самоутвердиться?

Следующие слова Елисея ударили меня наотмашь, выбив весь воздух из легких.

— Не делай вид, что тебя волнует здоровье этой нашей подопечной... как ее там... Адель. Мы оба знаем, чего ты от нее хочешь. Лишь бы выебать, да?

В комнате повисло звенящее молчание. Я на автомате прижала ладони к груди, чувствуя, как гулко бьется сердце.

— Бля, ты серьезно? Будем говорить обо мне?

— А что, я не прав? — ледяным тоном изрек Елисей. —

Ты поэтому и устроил тут истерику.

— Иди нахуй, — Гордей что-то с грохотом швырнул — то ли в Лиса, то ли в стену, было непонятно.

Звон разбитого стекла заставил меня вздрогнуть. Я инстинктивно отступила от двери и случайно задела ее плечом. Дверь со скрипом приоткрылась, и этот звук показался оглушительно громким в наступившей тишине.

В следующий миг она распахнулась. На пороге стояли Гордей и Лис, и выражения их лиц не предвещали ничего хорошего.

Глава 24. Срыв

Взгляд Гордея все еще был бешеным и полным огня, он тяжело дышал, на его скулах играли желваки. Лис смотрел ровно и холодно, но в выражении лица сквозило едва заметное раздражение.

— Ты очнулась, — сухо констатировал Елисей. Потом спросил уже чуть теплее. — Как себя чувствуешь?

— Нормально, — соврала я. На самом деле внутри все плыло. Сердце колотилось, руки дрожали, в горле стоял вкус железа.

Гордей окинул меня взглядом:

— А так сразу и не скажешь. Трясешься вон вся...

Лис слегка скривил губы. В его глазах сквозила уже не открытая зл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.